

Светлана Бестужева-Лада

Правда на крови

Криминальная драма

Светлана Бестужева-Лада

Правда на крови

«Издательские решения»

Бестужева-Лада С. И.

Правда на крови / С. И. Бестужева-Лада — «Издательские решения»,

Молодой журналист Илья Астраханский, получив направление на работу в небольшой волжский город, быстро становится популярным. У него начинается роман с красивой девушкой, идет подготовка к свадьбе.

Но в жизни Ильи существуют еще две женщины... Поставленный перед необходимостью разоблачить криминальную деятельность будущего тестя, Илья не находит выхода из этой ситуации.

© Бестужева-Лада С. И.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Под стук вагонных колес	6
Глава вторая. Звезда местного значения	14
Глава третья. Добрая фея	23
Глава четвертая. Все когда-то бывает впервые	32
Глава пятая. Дети за отцов не отвечают	39
Глава шестая. Девочка по имени «хочу»	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Правда на крови
Криминальная драма
Светлана Игоревна Бестужева-Лада

© Светлана Игоревна Бестужева-Лада, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава первая. Под стук вагонных колес

Кому из нас хоть раз в жизни не довелось испытать восхитительное ощущение того, что жизнь вступает в новую фазу, что все гадости и глупости остались где-то там, в прошлом, а впереди – сплошные розы и овалы? Нормальных людей это чувство посещает на выпускном балу, а потом уже больше никогда не возвращается. Но некоторым удается пережить сию эйфорию и дважды, и трижды.

У каждого для этого свои причины: кто-то ликует, получив новую работу, а кто-то ног под собой не чует от счастья, переступая порог загса, чтобы зарегистрировать брак... или расторгнуть его. У каждого свои вехи, каждый сам определяет для себя жизненные ценности. И сам делает выбор, какую дорогу выбрать, на чьей стороне сражаться, из чьих рук получать средства к существованию.

Илья Астраханский второй раз в своей недолгой жизни испытывал этот самый высочайший душевный подъем. Первый раз это было пять лет тому назад, когда его, детдомовца, заморыша и вечного «козла отпущения» для старших в казенном воспитательном заведении приняли на журналистский факультет Ростовского университета. Без блата, без репетиторов, с одним несомненным талантом – умением писать грамотно и бойко – мальчишке удалось перепрыгнуть почти непреодолимое, хотя и незримое препятствие: пропасть, отделяющую «благополучных» детей от «неблагополучных». И Илья был свято уверен в том, что теперь его жизнь и судьба будут складываться только так, как он сам того пожелает. А значит, будет слава, будут деньги, будет нормальная жизнь.

Понятие о «нормальной жизни» было им почерпнуто, в основном, из художественной литературы, потому что его собственную жизнь до семнадцатилетнего возраста можно было определять, как угодно, только в нормы она укладывалась весьма незатейливые: детдомовские.

То есть одежда – одинаковая, еда – одинаковая, комната – одна на тридцать человек, в баню – строем, на занятия в школе – строем, и время от времени на спектакль одного из местных театров – тоже строем. Одному удавалось побыть только в библиотеке, которую остальные воспитанники детского дома не слишком жаловали, предпочитая свободное время проводить за игрой в футбол или, еще того проще – в карты, хотя последнее, естественно, не поощрялось, в отличие от первого. Ну, так запретный плод всегда слаще.

И мечты о будущем у Ильи были, мягко говоря, не стандартные. Он хотел стать журналистом. Не космонавтом, не подводником, не известным спортсменом и даже не дипломатом, а именно журналистом. Откуда такая идея залетела в его всегда обритую «под ноль», как и у большинства детдомовцев, голову, сказать трудно. Но – залетела, и с этого момента мальчишка грыз гранит школьной науки весьма избирательно, уделяя точным предметам ровно столько времени и сил, чтобы знать программный материал. Не более того.

А вот гуманитарными предметами готов был заниматься двадцать четыре часа в сутки на радость преподавателям русского языка и литературы, а также истории. По этим предметам у Астраханского меньше «пятерки» никогда не было, за что его одноклассники изобретательно окрестили «интеллигентом» и время от времени пытались устроить «темную», чтобы не был умнее других и не выпендривался.

Повалявшись пару раз в детдомовском изоляторе-больничке после особенно жестких «разборок», Илья усвоил несколько нехитрых житейских правил, которые вывел для себя самостоятельно. Вообще-то, конечно, изобрел ножик, чтобы резать хлеб, потому что правила эти можно было сформулировать так: «Ничего не бойся, ничего не проси и никому не верь», то есть традиционный набор уголовников, о чем Илья, естественно, не знал.

К этому кодексу он добавил только одно правило: «Никогда не лги», потому что считал: ложь, особенно без причины, унижает человека больше, чем иное преступление. Убеждение,

конечно, свежее и оригинальное, но Илья действительно никогда не врал, даже если говорить правду было ему абсолютно невыгодно.

– Деточка, – убеждала его пожилая преподавательница русского языка и литературы, у которой он заслуженно числился в любимчиках, – нужно быть... э-э... пластичнее. Ну зачем ты обидел нашего директора? У человека – день рождения, все ему говорят добрые слова, желают счастья, а ты взял и брякнул: «желаю вам стать гуманнее». Да, он не Макаренко и не Песталоцци, но ведь и не садист. Согласись, наказывает он за дело...

– Не соглашусь, – отвечал Илья, глядя на нее широко распахнутыми, искренними глазами. – Ну, пусть он с пацанами строжится, им на это наплевать. Но девчонок пороть, да еще публично – извините, Зоя Анатольевна, это не по-мужски. Они же потом неделями в подушку режут, некоторые даже сбежать стараются. Это правильно?

Зоя Анатольевна только вздыхала. Впрочем, вздыхала не она одна. Не слишком привлекательный внешне, Илья получил от природы такие неправдоподобно-синие глаза, что, заглянув в них, оставалось только вздыхать. Кому – от зависти, кому – по другим причинам, но реакция всегда была одна и та же. Одноклассники пытались даже заменить прозвище «интеллигент» на двусмысленно-обидное «синеглазка», но – не прижилось. То есть прижилось, но в сугубо девчоночьем кругу, где это прозвище обычно томно выдыхалось во время ночных бдений-посиделок. Все остальное в Илье было средним – рост, внешность, физическая сила, здоровье, а вот глаза явно достались сироте по благу от Господа Бога.

Илья действительно был круглым сиротой – и не при живых родителях, как это бывает теперь на Руси все чаще и чаще, а самым настоящим, проще говоря – подкидышем. В возрасте двух месяцев был найден проводниками на багажной полке плацкартного вагона поезда «Москва-Астрахань» и сдан в детский дом. Кстати сказать, и возраст ему определили весьма приблизительно, а днем рождения назначили тот день, когда он был найден.

А поскольку двадцать два года тому назад ни о каких «горячих точках» в нерушимом и свободном Советском Союзе никто и слыхом не слыхивал, о беженцах читали только в газетах под рубрикой «их нравы», а минимальная зарплата на самом деле соответствовала прожиточному минимуму, то следовало предполагать, что мамаша Ильи просто-напросто бросила младенца, не пожелав связывать себе руки.

Об отце, понятное дело, и говорить смешно. Так или иначе, никто мальчика не искал, а имя свое он получил в честь любимого человека одной из нашедших его проводниц. Фамилию ему дали, естественно, в честь конечного пункта железнодорожного маршрута, а в метрике поставили абсолютно вымышленное имя матери, отчество директора детдома – Федорович – и прочерк в графе отец.

Когда Илья с первого захода поступил на журфак, этому порадовался только один человек: Зоя Анатольевна, которая плакала от счастья и все повторяла, что никогда в этом и не сомневалась, хотя в глубине души склонна была считать произошедшее чудом. Правда, сотворенным, некоторым образом, ею же самой. За сорок с лишним лет педагогической деятельности она воспитала несколько десятков людей, занявших не самые последние места в обществе. Кое-кто мог помочь и с поступлением в университет. Для себя лично пожилая учительница никогда и ничего не просила, но именно поэтому, наверное, бывшим ученикам было невозможно отказать помогать ей в хлопотах за еще один талант.

К тому же большинство из них помнило, как та же Зоя Анатольевна просила в свое время за них, а если кто-то и забыл, то ему невероятно деликатно и столь же невероятно твердо освежали память. У хрупкой пожилой женщины была железная сила воли, устоять перед которой было невозможно, нереально, а иногда даже и опасно. Мало кто знал, точнее, никто не знал и даже не догадывался, что старая учительница вела картотеку на своих бывших учеников, скрупулезно отслеживая этапы их жизни. Не всех, конечно, а только тех, кто хоть чуть-чуть поднялся выше среднего уровня. Но уж за их успехами она следила не хуже известной мисс

Марпл, и в случае необходимости могла почти мгновенно построить сложную цепочку взаимопомощи, в результате чего кто-то попадал к известному и малодоступному профессору медицины, кто-то находил более интересную и престижную работу, а кто-то... вот именно, поступал в институт, причем официально – безо всякого блат.

В общем, люди не так неблагодарны, как принято думать, по тем или иным причинам друг другу иногда помогают, и Астраханский поступил на факультет своей мечты, не подозревая о том, что обязан этим событием не только собственному таланту.

Неизбалованный и неприхотливый, Илья среди однокурсников все пять лет смотрелся «белой вороной». На стипендию уже тогда прожить было сложно, посему юноша не брезговал никакой работой, кроме той, которая могла грозить неприятностями с властями. Работал грузчиком, ночным наборщиком в типографии, дворником, расклейщиком всевозможных объявлений, и помимо некоторых денег обрел отличную фигуру, вполне внушительную мускулатуру и умение находить общий язык с представителями любых слоев общества. Причем не просто находить общий язык, а незаметно выстраивать разговор так, что собеседники становились особенно откровенными. Никаких особых целей Илья перед собой при этом не ставил, но чисто интуитивно набирался именно таких навыков, которые были бы ему полезны в будущей журналистской работе.

Веселых компаний не чурался, но чаще всего не находил времени, чтобы в них участвовать. Девушкам нравился – особенно тем, которые встречали по уму и по уму же провожали, а одежду считали делом двадцать пятым, но таких, сами понимаете, не слишком много. Слушались и увлечения, не переходящие, впрочем, ни во что серьезное, поскольку Илья, верный своим принципам, сразу же ставил девушку перед фактом:

– Жениться в обозримом будущем не собираюсь, так что никаких планов строить не советую. Ты мне нравишься – а там видно будет. И на красивые ухаживания не рассчитывай – у меня на это денег нет.

Некоторые после этого начинали плакать. Другие гордо фыркали и хлопали дверью. Кое-кто пытался внушить «правдолюбцу» – это уже стало институтской кличкой, – что говорить «гоп», пока не перепрыгнул, не следует, а вслед за этим стремились внушить к себе более теплые и крепкие чувства. В общем, вариантов «лечения» чудака-правдолюбца было множество. Но никто не мог похвастать тем, что ему это удалось.

Зато кончались все немногие скоротечные романы до боли одинаково: уличив подругу во вранье – хоть мелком, хоть крупном, Илья безжалостно рвал отношения и впредь избегал даже здороваться. Что, разумеется, не прибавляло ему популярности у прекрасного пола, да и у мужчин вызывало некоторое недоумение:

– Старик, ну ты не прав, – говорил кто-то из приятелей, узнав про отставку очередной прелестницы. – Женщины без вранья не могут, как мужчины... без женщин. Пренебреги, тебе же легче будет.

– Не будет, – отрезал Илья и в его синих глазах загоралось фанатичное пламя правдоискательства. – Я ведь не спрашиваю с других строже, чем с себя самого. А кому не нравится...

Красноречивый взмах руки заканчивал недоговоренную фразу.

У девушек его круга даже появился своего рода спортивный азарт: окрутить паршивца, влюбить в себя, заставить, как в свое время было модно говорить «поступиться принципами». Не тут-то было! Илья оставался свободен и независим, а неосторожные девушки попадали в примитивную «ловушку для обезьянок».

Какую? Обыкновенную. Берется кокосовый орех, выдалбливается, внутрь кладется что-нибудь вкусненькое. Отверстие оставляют как раз такое, чтобы пролезла лапка – в раскрытом, естественно виде. Глупая обезьянка сует лапку в отверстие, хватается лакомство, сжимает кулачок и пытается вытащить добычу. Не тут-то было! Кулачок не проходит, а выпустить такое близкое удовольствие нет силы воли...

Справедливости ради надо отметить, что и мужчин можно ловить столь же незатейливым способом, ибо недаром подмечено, что люди произошли от обезьян. Ох, недаром!

И все-таки единственным настоящим другом, появившимся у Ильи в институте, была девушка. Правда, внешне Рита напоминала скорее юношу: угловатая фигура, несуразно длинные руки и ноги, слишком прямые и резкие черты лица. Но за этим неказистым фасадом скрывалась добрая, мягкая и умная женщина, с которой любой мужчина мог бы быть счастлив всю жизнь, если бы...

Да что там говорить, женщины, безусловно, умнее мужчин: ни одна из них не выходит замуж только потому, что у ее избранника – красивые ноги и ничего больше. Мужчин же, которые женятся по этой «уважительной» причине – пруд пруди и еще останется, причем впоследствии все они искренне недоумевают, почему Господь наказал их такой стервой, мотовкой, безмозглой курицей (ненужное зачеркнуть).

Илья привык проводить в обществе Риты самые приятные часы своей жизни, не считая, конечно, тех, которые посвящал учебе и работе. В ее крохотной однокомнатной квартире он чувствовал себя как дома, хотя и не знал этого чувства в принципе и от рождения. Отдыхал от скученности и шума «общаги», слушал музыку, благо кассет с записью классики у его подруги было предостаточно – единственная роскошь, которую она себе позволяла.

Родители Риты, отработав преподавателями в средней школе всю свою трудовую жизнь, приняли по выходе на заслуженный отдых решение, тогда казавшееся экстравагантным, но на самом деле – единственно правильное: переехали в деревню, в оставшуюся от бабушки с дедушкой хату. Привели ее в порядок и принялись хозяйничать – обстоятельно, по науке и, что называется, «без дураков». Фермеры не фермеры, а то, что раньше называлось «крепкие хозяева». Рита периодически получала от них вкусные посылки и немедленно приглашала Илью:

– Приходи, плюшками побалуемся.

Поесть Илья любил не меньше, чем любой нормальный мужчина. Но тянуло его к Рите совсем по другой причине: там была возможность всласть поговорить на любую тему. Они могли разговаривать часами – и при этом не надоедали друг другу. Только Рита могла сказать Илье в глаза то, о чем большинство предпочитало шептаться за его спиной:

– Илюша, ты также приятен и удобен, как деревянная скамейка в электричке. Нельзя возводить правду в абсолют. Об твои принципы люди в кровь обдираются, ты уж не взыщи. А о слезах вообще не говорю – их вокруг тебя пролито немерено. Уймись, а? Будь проще...

– Врать прикажешь? – огрызнулся Илья. – Не собираюсь, не уговаривай! Ты же общаешься со мной – и ничего, не плачешь и не обдираешься.

– Дурачок, – печально усмехнулась в очередной раз Рита, – и я обдираюсь, если забуду, с кем имею дело. Просто принимаю тебя таким, каков ты есть, но ведь это – ой как нелегко. Ладно, мы с тобой друзья, но ведь у тебя в жизни еще кто-то должен быть помимо меня. А ты всех распугиваешь. От меня шарахаются потому, что я – уродка, от тебя – потому что ты, извини, моральный урод какой-то.

– Ты не уродка, – запротестовал Илья, – не выдумывай глупостей. На Софи Лорен, конечно, не тянешь, но мне нравишься куда больше, чем все эти куколки безмозглые.

Рита снова вздохнула – и перевела разговор на другую тему. Она самой себе не хотела признаться, что с восторгом поменялась бы с какой-нибудь безмозглой куколкой внешностью, отдав взамен даже не половину – три четверти своего интеллекта. И уж тем более никогда не призналась бы в этом своему другу. И лишь иногда потихоньку мечтала о том, что когда-нибудь Илья нагуляется, устанет от своих краткосрочных пассий, а она, Рита, по-прежнему будет рядом... И он оценит ее ненавязчивость, преданность, возможность помочь и словом, и делом. И вот тогда... На этом ее мечты обрывались.

Частично и сам Илья был виноват в том, что его подругу посещали такие грезы. Как-то раз в ответ на очередное ее мягкое замечание о том, что с женщинами все-таки надо быть... ну, более бережным, что ли, последовал достаточно развернутый ответ:

– Рита, если я когда-нибудь встречу девушку или женщину, которая поймет, как лучше всего удержать возле себя мужчину, я тут же предложу ей руку и сердце, даже если не будет большой любви. А принцип простой: мокрое мыло.

– Какое мыло? – ошарашено спросила Рита, не всегда поспевавшая за стремительным полетом мысли Ильи и его нетрадиционными образами.

– Обыкновенное. Ты когда-нибудь пробовала удержать в руках мокрое мыло? Трудно, правда? Чуть-чуть сильнее сжала – и ищи его по всей ванной комнате. А если положить на ладонь и не шевелить? Присохнет. Элементарно же.

Вот Рита и решила следовать этому принципу, правда, временами она признавалась самой себе, что от неподвижности уже и рука затекает, а мыло все не присыхает и не присыхает. Что не мешало ей вновь и вновь мечтать о несбыточном.

Несмотря на многочисленные романы, по-настоящему Илью никто не любил, так что сердце он никому не разбил и несчастной надолго не сделал. Все перемалывалось, образовывалась мука, а Илья основное свободное от занятий время стремился посвящать не развлечениям, а более серьезным занятиям. Короче говоря, уверенно шел к «красному диплому» и хорошему месту работы, благо публикаций у него и в студенческие годы хватало, но... Но остаться в Ростове ему не удалось, пришлось ехать в приволжский город средней величины и там начинать все заново.

«Ищите женщину», подумает кто-нибудь и не ошибется. На выпускном курсе в Илью отчаянно влюбилась девушка, едва-едва достигшая совершеннолетия. Познакомились они на чьем-то дне рождения, причем Илья внутренне сразу несколько насторожился: слишком уж прямолинейно это юное создание добивалось своего.

После застолья, когда начались танцы, к Илье подошла стройная и довольно красивая девушка, с пышными каштановыми волосами, чуть-чуть отливавшими бронзой, и выразительными зелеными глазами и спросила:

– Вы тот самый Илья Астраханский, который девушек не любит?

– Меня зовут Илья, – ответил он, несколько опешив от постановки вопроса, – и фамилия моя действительно Астраханский, но к девушкам я отношусь вполне нормально, у вас неверные сведения.

– Да? Приятно слышать. А меня зовут Виктория, я дочь...

И назвала имя и фамилию человека, которого в городе знали все, но мало кто был удостоен чести личного знакомства. Когда-то он был вторым секретарем обкома партии, но когда партия приказала долго жить, некоторые ее члены удержались на палубе невесть куда плывущего корабля, причем не только на палубе, но и в привычных каютах первого класса, а то и класса «люкс».

Второй секретарь мгновенно забыл, кем он был и к чему призывал, совершил несложный маневр перестройки и продолжал радоваться жизни в качестве то ли директора, то ли президента чего-то неопределенного, но приносящего вполне определенный и весьма солидный доход. По-видимому, были еще какие-то дела, о которых мало кто знал, потому что (де-факто, а не де-юре) Андрей Иванович постепенно стал одним из «хозяев» города, если не просто «Хозяином», а безграничная власть дает еще больше возможностей, чем немалые деньги. К тому же единственная его дочь была еще и очень хороша собой, почти умна, роман с ней мог принести бывшему детдомовцу сплошные выгоды.

Все это влюбленная девушка, не сходя с места, и выложила открытым текстом своему избраннику, ни минуты не сомневаясь в том, что в ответ получит предложение руки и сердца.

Практически дочь «крестного отца» не знала, что такое отказ вообще, ей давным-давно никто и ни в чем не смел отказывать. Но от Ильи она услышала нечто совершенно неожиданное:

– Простите меня, милая, – мягко сказал ей Илья, – но мне совершенно все равно, кто ваш отец, и какими средствами он располагает. Я всю жизнь всего добивался самостоятельно и менять принципы не собираюсь. Если называть вещи своими именами, вы меня хотите купить. Хорошо, не за деньги, это пошло и некрасиво, но за что-то другое. Так вот, я не продаюсь. Еще раз простите меня, но я вас вижу первый раз в жизни и не думаю, что вторая встреча когда-нибудь состоится. Я не собираюсь портить вам жизнь, затевать комедию ухаживания, а потом притворяться заботливым и внимательным мужем. Короче, в примаки не пойду. Более того, любовником вашим никогда не стану – особенно после этого милого разговора. И давайте на этом закончим.

Благими намерениями, как известно, вымощена дорога в ад. Илья искренне считал, что, назвав вещи своими именами, он тем самым расставил все точки над «и», история кончена, девушка посердится, поплачет, как предыдущие – и найдет себе другое утешение. Не тут-то было!

Не привыкшая к такому обращению со своей драгоценной персоной, влюбленная девушка сделала все, чтобы несговорчивый предмет ее страсти сдался на милость победителя. Она ждала его после лекций, писала длинные письма, полные клятв и упреков, всеми правдами и неправдами прорывалась в общежитие, и даже пыталась пробраться в его комнату, угрожала покончить с собой... Все это пугало и отталкивало, что, впрочем, достаточно естественно: мужчины не любят, когда им вешаются на шею. Строго говоря, этого вообще никто не любит, особенно когда шантажируют самоубийством.

Последнее, как выяснилось, оказалось не пустыми угрозами, потому что в одно далеко не прекрасное утро родители обнаружили Victорию в бессознательном состоянии: девушка проглотила полную упаковку сильного снотворного, а в записке открытым текстом указала причину.

Сказать, что город был потрясен, значит, ничего не сказать. Безродному, нищему сироте бросилась на шею девушка, о которой любой нормальный мужчина может только мечтать, а он, это ничтожество, выскочка, плебей, парвеню – отказался. Будь Виктория дурна собой, возмущенных, естественно, было бы значительно меньше, но... А то, что Илья не выразил ни малейшего смущения, не говоря уже о раскаянии, а лишь пожал плечами и сказал: «Не понимаю», – привело общественность просто в ярость. Правда правдой, но надо же и совесть иметь...

Кончилось тем, что отец девицы сделал все для того, чтобы Илья из Ростова убрался. Впрочем, особенно стараться не пришлось: пара-тройка звонков «нужным людям» – и вот уже главный редактор газеты, который твердо обещал взять талантливого молодого журналиста в штат сразу после получения диплома, начинал избегать его звонков, при встрече мямлить нечто невразумительное и вообще отводить глаза.

В других изданиях, где с удовольствием печатали заметки и очерки «нового дарования», его тоже перестали узнавать, а уж о публикациях и не заикались, отмахивались, даже не пытаясь найти благовидный предлог. Только у одного маститого, битого-перебитого журналиста хватило смелости сказать Илье то, что думали о нем все:

– Старик, правда, конечно, штука хорошая, но на хлеб ее не намажешь и под голову не подложишь. Пошел на принцип, обидел девчонку, а она не виновата, что у нее папа такой деловой. Опять же – любовь. Неужели ты не мог...

– Не мог! – отрезал Илья. – Один раз слукавил, второй раз притворился, третий раз откровенно соврал – и все. А правда – она одна, можно жить с нею, можно – без нее, а вот как галстук носить – нельзя. Утром без галстука, а вечером – при полном параде? Я так не могу. И не буду.

Старый журналист хотел сказать, что будет, куда он денется, не таких жизнь обламывала, но посмотрел в горящие синим пламенем глаза Ильи и поежился. А черт его знает, может, и не будет, фанатики во все времена водились, за правду страдали, на кострах горели, а народишко возле тех костров грелся, особенно в суровые зимы. С другой стороны, на костры их отправляли такие же фанатики, так что неизвестно, каким боком жизнь повернется, какой стороной монетка упадет. Время покажет.

Не отвернулась в эти дни от Ильи только Рита, которая защищала своего друга, как могла. Но ее – не без оснований – считали лицом в какой-то степени заинтересованным, а значит – необъективным.

Сама, видать, нацелилась на молодого перспективного холостяка, хотя с ее внешностью об этом и говорить смешно. Рита колкие намеки пропускала мимо ушей, потому что ее приводило в отчаяние другое: Илья теперь уедет, и ее робкие мечты о совместном счастье будут похоронены навсегда. Поехать вместе с ним? В качестве кого? Впрочем, Илья ей этого не предлагал, а сама она скорее умерла бы, чем намекнула ему на свои чувства.

В итоге, через два дня после получения диплома Илья собрал свои нехитрые пожитки, попрощался с Ритой, которая не скрывала своего огорчения и нежелания расставаться с другом, господи, именно с другом, только с другом! – и сел в поезд, направлявшийся на восток.

Настроение у молодого журналиста было, вопреки предсказаниям и ожиданиям, не просто приподнятое – великолепное. Он без сожаления оглядывался назад и думал о том, как на новом месте начнет жизнь заново, пробьет себе дорогу, сделает настоящую карьеру благодаря своему таланту, а не родственным или иным связям. Главное – не отступать от своих основных принципов: все своими руками и все честно. И тогда, как поется в песенке из некогда популярного телефильма, «посмотрим, кто у чьих ботфорт в конце концов согнет свои колени».

В мечтах Илья уносился в неопределенные дали, где он, уже признанный, прославленный и – правда, так правда – высокооплачиваемый журналист живет и работает в Москве или Санкт-Петербурге, еженедельно публикует острые материалы, о которых потом повсюду говорят, ведет передачу на телевидении... Он берет интервью у самых известных людей, бесстрашно разоблачает преступления и нечистоплотность, заступает за несправедливо обиженных... Его узнают на улице... Его уважают все, даже те, кого он безжалостно обличает... В общем, стандартный набор грез молодого журналиста любого пола.

Общему подъему настроения и полету фантазии несколько мешали мысли о Рите. Илья, в общем-то, не отдавал себе отчета, до какой степени успел привязаться к этой девушке, видя в ней «своего парня», доброго, отзывчивого друга, строгого, но справедливого критика, который первым читал все, что выходило из-под пера Ильи. Возможно, Рита была не так талантлива, как Илья, но редактор, что называется, – от Бога. Вспомнив об этой стороне их отношений, Илья ощутил легкую тревогу: а не слишком ли он привык к помощи Риты, не стал ли «слепым» к своим текстам, справится ли самостоятельно?

Вслед за мыслями о Рите, пришло воспоминание о Виктории, которая, похоже, так и не успокоилась. Во всяком случае, Илье показалось, что он видел ее на вокзале: девушка старалась быть как можно более незаметной, но не спускала глаз с Ильи. Спасибо, конечно, что удержалась от публичного скандала, только такого завершения проводов ему и не хватало! И не только от скандала: теоретически Илья допускал возможность того, что Виктория и из пистолета пальнет, не задумываясь, и кислотой в лицо плеснет с диким воплем: «Так не доставайся же ты никому!», и очередную попытку самоубийства предпримет прямо тут же, на вокзале, что называется – не отходя от кассы... Слава Богу, обошлось.

«Из-за этой романтической дуры приходится начинать все сначала. Из-за нее и Риты не будет рядом. Кому нужна эта сама любовь, хотел бы я знать? Да и есть ли она на самом деле? Нет, все это – блажь, прихоть капризной девчонки. Привыкла, что поклонники вокруг нее уви-

ваются, кукла избалованная. И не жалко ее мне совсем. Нет, хорошо, что я уехал... А с Ритой можно будет переписываться и встречаться. А может быть, она тоже приедет в Волжск? Хотя бы в гости... Впрочем, проживем – увидим...

Ночь, которую Илья провел в поезде, была одной из самых спокойных в его жизни. И уж точно – самой счастливой... пока. Очень разумно устроено, что человек может только мечтать о своем будущем, но не в состоянии его предвидеть. Иначе половина из нас сошла бы с ума от ужаса, а второй половине было бы решительно скучно жить. Несмотря на вспыхнувший в обществе жгучий интерес к гадалкам и прорицателям всех видов, нам по-прежнему «не дано предугадать». И слава Богу!

В эту ночь Илья даже вывел некую закономерность в своей жизни, где каждый новый этап начинался с... поезда. В поезде его нашли и дали затем возможность выжить, теперь он начинает новую страницу жизни – тоже в вагоне пассажирского поезда. Он даже провел некую параллель между своим жизненным путем и железнодорожной колеей, которая, как известно, резких поворотов никогда не делает по причине своей нестигаемости. Конечно, Илья страшно обиделся бы, если бы кто-нибудь, прочитав его мысли, от души бы посмеялся над таким культом прямолинейности. Но смеяться было некому, так что Илья благополучно заснул под все эти умные размышления.

Не говоря уже про стук колес, под который вообще спится совершенно прекрасно.

Глава вторая. Звезда местного значения

Город Волжск встретил Илью почти приветливо. Тот самый ростовский журналист, который единственный открыто выразил недоумение по поводу слишком уж бескомпромиссного поведения молодого дарования, оказался единственным же, который помог: позвонил своему старинному приятелю – главному редактору чуть ли не самой авторитетной газеты Волжска и попросил помочь начинающему коллеге. А самому начинающему коллеге дал точный адрес того, к кому следовало обратиться по прибытии.

Оставив чемодан с нехитрыми пожитками в привокзальной камере хранения, Илья пешком отправился в редакцию, до которой, как, впрочем, почти до всего в городе было по меркам Ростова – рукой подать, и был почти тут же введен в кабинет, где в густых клубах табачного дыма восседал массивный человек в старомодных роговых очках – главный редактор, Владилен Сергеевич.

– Так вот ты, значит, какой – Астраханский. Ну, проходи, садись, знакомиться будем. Куришь? Нет? И правильно делаешь, я вот скоро помру, а без соски не обхожусь. А с другой вредной привычкой у тебя как?

– Привычки у меня пока еще нет, – весело ответил Илья, которому добродушный старик сразу понравился, – но компанию поддержать могу. По поводу и в меру.

– Опять правильно делаешь. Про женщин не спрашиваю, дружок мой тут тебя расписал, прямо «Илиада» получилась. А я не осуждаю. Отказался в рай въехать верхом на чужом горбу – правильно. Добивайся всего своими силами. В нашем деле, в газетном, что можешь?

– Все! – решительно ответил Илья. – Что поручите, то и буду делать. Вот мои публикации, посмотрите, если захотите.

Владилен Сергеевич досадливо отмахнулся.

– Посмотрю, когда для нашей газеты что-то напишешь. В деле посмотрю. Золотых гор не обещаю, да их у меня и нет, народишко обеднел, тираж упал, крутимся, как можем. Начнешь в отделе информации, все с этого начинают. И вообще самый длинный путь начинается с первого шага. Будешь собирать материалы, которые нужно срочно в номер ставить. Хотя мы и небогатые, но скажу честно, авторитет сохранили, с нами не только по старой памяти считаются. Все, иди оформляйся, команду я дал. Когда приступишь?

– Да хоть завтра, – пожал плечами Илья, – мне бы только комнату найти, а больше никаких дел нет.

– А вот с комнатой я тебе протекцию составлю, есть тут у меня кое-кто на примете...

Второй удачей на новом месте было решение квартирного вопроса. С подачи главного редактора удалось снять комнату недалеко от редакции, причем снять дешево, что тоже имело значение для Ильи. Хозяйка двухкомнатной квартиры, замученная жизнью женщина средних лет, поставила будущему жильцу два условия: не курить и не водить пьяных компаний. Зато можно пользоваться ванной и кухней по своему усмотрению.

– Сын у меня два года назад погиб по пьяному делу, – скорбно вздохнула хозяйка, Анна Петровна. – Твоих лет. Пришел из армии, стал искать работу, а нашел собутыльников. Ну и пошло-поехало, они же его и порешили. Сели, конечно, только мне от этого не легче...

Илья осмотрел крохотную комнатку, где всего-то и помещались диван-кровать, шкаф, стол со стулом и потертое кресло, но все было стерильно-чисто, с ковриками, салфеточками и даже геранью на подоконнике, ощутил незнакомое ему доселе чувство **собственного угла**, и в ту же ночь спал сном праведника на пахнущих почему-то морозной свежестью простынях.

Занавеску на балконной двери раздувал ветер с недалекой реки, там, на реке, кричали пароходы, где-то на соседней улице время от времени проносились запоздалые машины... После спальни в детском доме на тридцать человек, после институтского общежития, где в ком-

нате обреталось «всего-навсего» восемь молодых парней, отдельная комната воспринималась как райский уголок. Тем, кто привык к пятикомнатным апартаментам или хотя бы никогда не знал всех «прелестей» коммунального жилья, этого чувства не понять. Сытый голодного, как известно, не разумеет.

Кстати о сытости. Утром Илью ждал сюрприз: приготовленный заботливой хозяйкой нехитрый завтрак. Илья попытался было отказаться, мол, он в редакционном буфете что-нибудь перехватит, не привыкать, но Анна Петровна была непреклонна:

– И думать не могли от завтрака отказываться. Завтрак – главная еда для человека, зарядка на весь день. Да и мне веселее: привыкла для кого-то готовить, теперь вот снова вроде бы при деле.

– Сколько это будет стоить? – в лоб спросил Илья по своей милой привычке называть вещи своими именами.

Анна Петровна оскорблено поджала губы и ответила:

– Я к тебе с душой, а ты мне – про деньги. Так не пойдет. Мне просто квартирант не нужен, мне человек в доме необходим. Кто это тебя научил все на деньги мерить?

– Жизнь научила, – вздохнул Илья. – Простите, Анна Петровна, в мыслях не было вас обидеть. Но вы же не миллионерша – такой лоб бесплатно кормить. Объем я вас, что хорошего?

– А ты продукты покупай, – уже не так сухо ответила Анна Петровна. – Для себя, конечно, не для меня. А приготовить мне несложно, да и не так долго день будет тянуться. Обедай, где хочешь, а завтрак и ужин я обеспечу.

– Понятно, – тоже уже весело ответил Илья. – Не сердитесь, Анна Петровна, я вот такой: только правду говорю. Считаю, иначе и жить нельзя.

– Правда правде рознь, – осторожно заметила Анна Петровна. – Лгать, конечно, грешно, но ты и с правдой-то своей сразу не суйся, подойди тихонечко, слова правильные найди. Иначе трудно тебе с людьми будет, ох, как трудно!

– Это я в курсе, – уже совсем весело сообщил Илья, заканчивая завтрак. – Это я уже маленько попроходил, так что знаю, как у нас на правду реагируют. Так кому сейчас легко? Да и по мне лучше трудно, чем фальшиво. А вам спасибо большое за то, что накормили, да еще поучили маленько. Это никогда не помешает – у старших поучиться. Я побежал, надо начинать работу, вживаться в коллектив и вообще...

И начались трудовые будни, от которых, впрочем, и выходные дни поначалу не больно-то отличались. Работы Илья не боялся, мотался по городу и его окрестностям на автобусах или просто попутках, собирал для отдела хроники всякие факты и фактики, которые вечером обрабатывал дома на одолженной в редакции раздолбанной пишущей машинке, утром относил в отдел и снова отправлялся на поиски сюжетов.

Но это все было еще не то, о чем мечтал Илья в вагоне поезда. Да, отдел хроники стал интереснее, газета стала более популярной, а значит, и тираж слегка увеличился, но известности самому начинающему журналисту это никакой не приносило: кто же подписывает заметки о небольших происшествиях? Тем не менее, кое-какими знакомствами Илья потихонечку оброс, стал разбираться в том, что происходит в городе и вокруг него довольно свободно, и в редкие часы досуга готовил свой первый «настоящий» материал, который предполагал сделать своим, так сказать, дебютом. И не просчитался.

Дебютировал Илья на новой работе через несколько месяцев большим очерком, в котором не просто бичевал пьянство, как национальный порок и слабость, но и умело пользовался статистикой, приводил яркие примеры, с гневом обрушивался на государство, не умеющее справиться с этим злом или хотя бы как-то ограничить его распространение. Досталось и приснопамятной антиалкогольной кампании, и взвинчиванию цен на горячительные напитки, которые пьяниц отнюдь не сдерживают, зато заставляет их семьи голодать, и бесконтрольному ввозу

всякой заморской отравы... Словом, всем сестрам было роздано по серьгам – и по справедливости.

Если в столице такими публикациями удивить было возможно разве что человека, только что научившегося читать, то в провинциальном городе материал произвел настоящую сенсацию, поскольку никому не известный доселе Илья Астраханский критиковал не абы кого, а правительство, пусть, в основном, и бывшее. Правительство, о котором, согласно неписаной традиции, можно было говорить исключительно как о покойнике: либо хорошо, либо – ничего. А в провинции к столичным вольностям еще не привыкли – побаивались по старой памяти. Ну как прочтет кто-нибудь из высокого строго начальства, да как гаркнет: «А подать сюда этого Ляпкина-Тяпкина!». Нет уж, лучше на кухне или в очереди правительству косточки перемыть...

Очерк в Волжске обсуждали недели две, имя Ильи сразу оказалось у всех на слуху, и хотя скептики утверждали, что никакой конкретной пользы материал не принес, что юноша, подобно петуху, прокукарекал свое, а там пусть и не рассветает, большинство было в восторге. Молодой журналист, вдохновленный столь удачным дебютом, расправил плечи и начал уверенно закладывать фундамент того будущего, о котором грезил в железнодорожном вагоне.

Закладывал, правда, не вполне самостоятельно, а пользуясь подсказками-указаниями главного редактора газеты. Владилен Сергеевич журналистике отдал почти полвека и не принимал личного участия только в газетных кампаниях недоброй памяти тридцатых годов, потому что в это время занимался укреплением достижений коллективизации в родном селе и районе в целом. Там юного активиста заметили, послали в Москву учиться, а практику он проходил уже на фронте, сначала Финском, а потом – на многих и многих фронтах Великой Отечественной войны. И именно это время вспоминал с ностальгической грустью:

– Как все просто-то было! Как понятно! За линией фронта – враг, позади – Родина, за которую жизнь отдать не жалко... А потом страну из руин поднимали, благосостояние народа улучшали. Откроешь утром «Правду» – и на весь день зарядку бодрости получаешь, а заодно и ответы на все вопросы. А после пятьдесят шестого года все хуже и хуже, все хуже и хуже... Теперь вообще непонятно, что происходит, а народ-то газетам верит по-прежнему, так воспитан. А виноват кто? Журналист. Так что не гоняйся, Илья, за сенсациями, не лезь, дружок, в эту новомодную политику, будь она трижды неладна, пиши о том, что простым людям близко и понятно. Вот хоть о ткацкой фабрике...

На ткацкой фабрике, действительно, творилось сплошное безобразие, зарплату уже который месяц либо не выдавали, либо «компенсировали готовой продукцией» в виде отрезов ткани, а где эти самые отрезки продавать, никто не знал. В Волжске на них спроса давно не было. Приходилось ездить в Москву и другие большие города, ночевать там на вокзалах, нарываться на неприятности с местной милицией – и все для того, чтобы заработать хоть что-нибудь, купить продуктов и месяц-другой продержаться.

Назвать такое положение нормальным ни у кого, естественно, язык не поворачивался, но и причин подобного безобразия никто особо не доискивался, благо ткачихи не митинговали, челноками об асфальт в столице не колотили, железную дорогу не блокировали, а терпеливо писали письма во все инстанции, надеясь на то, что правда себя покажет. Женскому терпению и выносливости в России можно только удивляться, ничего подобного во всем мире нет, не было и уж точно не будет.

Илья начал с визита непосредственно на фабрику – не в руководящие кабинеты, а в цеха. Там он сначала оглох от невероятного шума, чуть не задохнулся от специфического запаха краски и пряжи, а потом в буквальном смысле слова ошалел от общения с ткачихами, которые добросовестно трудились бесплатно. При этом и на работу приходили вовремя, и уходили – по звонку, и обеденный перерыв не растягивали до бесконечности, а соблюдали сложившиеся нормы.

– Но женщины, милые, – вопрошал Илья у ткачих в этот самый обеденный перерыв, поскольку отрываться от работы для беседы с журналистом никто не пожелал, – зачем вы вообще работаете-то? За «спасибо»? Так им детей не накормишь, сами знаете. За отрезы эти самые? Так вы же и жалуетесь, что не знаете, куда их девать, кому продать, да и все равно больше трети зарплаты не выходит, как ни крути. Забастуйте.

– Ага! – язвительно ответила самая бойкая тетка неопределенного возраста, повязанная платком по самые брови. – Сейчас, разбежались. Тут хоть какой-то кусок хлеба, а подика забастуй – мигом с голодудохнешь. Потом опять же надежда: наладится все, выплатят деньги. Стаж идет. Пенсию получать придется – с чем я в собес сунусь? С твоей газетой, мол, бастовала, учтите при начислении пенсии? Ты лучше разберись, милочка, куда наши деньги идут, директор-то зарплату сполна и вовремя получает. Квартиру купил, машину, дом построил... Разберись.

Илья разобрался, хотя с большими трудностями, поскольку директор фабрики отнюдь не горел желанием исповедоваться перед каким-то щелкопером и на все вопросы отвечал так, как испокон веков отвечали на Руси: «Знать ничего не знаю, ведать не ведаю, надо мной тоже начальство имеется, с него, мил-человек, и спрашивай».

Илья не поленился спросить у вышестоящего начальства, которое, естественно, от директора тут же и открестилось, сославшись, к тому же, на то, что директоров много, а оно, начальство то есть, одно. При этом в глазах начальства читалась отчетливая, но невысказанная мысль о невезучем подчиненном: «Воруй, если можешь, но не попадайся, дурак».

Оставленный без поддержки, директор скис, сник и распорядился показать журналисту кое-какие документы, надеясь, по-видимому, на скидку, положенную при чистосердечном признании. На основании этих документов, а также материалов своего собственного мини-расследования Илья и написал хлесткий очерк, о котором в городе говорили недели две, а газету вырывали друг у друга из рук и зачитывали до дыр.

По версии журналиста (подкрепленной, кстати, неопровержимыми доказательствами) виноват был директор и оба его зама, которые по-хозяйски распоряжались деньгами, предназначенными для выплаты заработной платы, причем распоряжались исключительно выгодно... для себя.

В подробности можно не вдаваться, такая практика сейчас в России – нечто вроде нового национального обряда. Но в Волжске, где такие разоблачения еще были в диковинку, скандал вышел громкий, директора фабрики сняли за несоответствие занимаемой должности, заместители его благоразумно поувольнялись сами, по собственному горячему желанию, а государственное предприятие превратилось в акционерное общество с то ли ограниченной, то ли, наоборот, безграничной ответственностью.

Когда через полгода на посту генерального директора этого общества оказался прежний директор фабрики, общественность этого даже и не заметила, поскольку зарплату ткачихам платили почти вовремя и почти полностью. Благо за время реорганизации их число сократилось чуть ли на треть, а зарплату никто индексировать с учетом инфляции и не думал. Но кто к тому времени помнил об этой самой фабрике? Сам автор, кстати, забыл о ней одним из первых.

Очередная «бомба» взорвалась, когда Илья опубликовал очерк о незаконном строительстве загородного поселка городского типа. То есть строительство-то было согласовано во всех инстанциях, только вот землю для него почему-то отвели там, где уже десять лет был дачный кооператив «Ветеран». На все протесты дачников либо не реагировали, либо отделялись отписками, упирая, в основном, на то, что самодельные «фазенды» на традиционных шести сотках портят вид при подъезде к городу по главному шоссе.

Вполне естественно, никакими архитектурными достоинствами кооператив «Ветеран» похвастать не мог, потому что создавался для многодетных семей, всевозможных ветеранов

и участников, то есть – льготников. И понятно, что дачные домики строили чуть ли не из картонных ящиков и парниковой пленки – на другое просто не было денег.

К тому же напомним: отсутствие денег у большинства граждан с лихвой компенсировалось изобилием всевозможных постановлений запретительного характера. Нельзя было строить дома с отоплением – печкой там или камином: торчащая над крышей домика труба выдавала хозяев с головой и безжалостно сносилась (труба, конечно), а без трубы – какое отопление? Нельзя было строить двухэтажные сооружения, поскольку второй этаж запросто можно было сдать каким-нибудь дачникам и на этом невероятно обогатиться. Нельзя было строить домик больше четко обозначенной кем-то площади. Ну, и так далее.

А поскольку тогда граждане еще не научились лихо плевать на законы и запреты или спокойно покупать разрешение на что угодно, то поселок имел, конечно, странноватый вид то ли бидонвиля, то ли обычных трущоб, но для своих хозяев это был рай земной, земля обетованная, для многих – не только единственный смысл в жизни, но и единственный способ выживания. Если бы на государственных землях могли выращивать столько, сколько выращивают на шести кровных сотках, да еще самого разнообразного ассортимента, продовольственная проблема решилась бы раз и навсегда. Но... на государственных землях все по-другому, а шесть соток есть далеко не у каждого российского гражданина, так что проблема остается неразрешимой и по сей день.

По-видимому, всевозможные запреты призваны были помочь осуществить реализацию мечты развитого социализма, то есть равенство нищих. И небезуспешно, поскольку до недавнего времени на большинство дачных поселков, как уже говорилось, без слез взглянуть было невозможно, и кооператив «Ветеран» исключения из этого правила не составлял.

Построить на его месте краснокирпичный городок с домами-замками, которые можно было сооружать, как Бог на душу положит, было, конечно, заманчиво. Заборчик каменный по периметру пустить, охрану в будку у ворот посадить, телефон провести. Кто откажется в таком домике не только лето – весь год пожить, особенно если есть машина, а до собственно города – рукой подать? Естественно, никто. И все жалобы дачников словно проваливались в черную дыру, а по их участкам уже похаживали люди с какими-то рулонами чертежей и землемерным оборудованием...

Илья в проблемах «Ветерана» разобрался почти мгновенно, благо люди, давшие разрешение на строительство коттеджей, давным-давно перебрались на другую работу, а некоторые – и в другие города. Некоторые вопросы, заданные в статье дотошным журналистом, заставили городские власти зашевелиться во избежание всевозможных неприятностей, на которые глупо было нарываться из-за такой мелочи, как расположение какого-то там поселка, тем более что место для него было выбрано не самое лучшее в округе. Так что после выступления Астраханского кооператив мгновенно оставили в покое, а элитный поселок – несколько десятков вилл из красного кирпича затейливой архитектуры – стали возводить в другом ближнем пригороде.

И лишь после этого спохватились, что город оказался отрезанным от многовекового источника чистой воды, и что теперь горожанам придется пользоваться водой, в которую счастливые жители коттеджей станут сливать все, что заблагорассудится. Ну так ведь известно, что у нас на Руси всегда были задним умом крепки, так что особенно никто и не удивился. И уж тем более не возмутился, поскольку внешний вид воды не слишком изменился, а об изменениях состава никто не распространялся, поскольку никто этот самый состав не исследовал даже на дилетантском уровне.

В общем, эти и подобные им, но чуть менее острые публикации сделали Илью знаменитым. А многоопытный Владилен Сергеевич тихо и тактично перевел внимание молодого журналиста на социально-бытовые драмы. Сюжетами из криминальной хроники в наше время удивить уже невозможно, но если нормальному человеку в общем-то безразлично, почему

застрелили банкира или взорвали автомобиль политика (дыма без огня не бывает!), то зверское убийство соседской девочки на улице чуть ли не среди бела дня задевает за живое.

И особенно беспокоит, что преступников либо не ищут, либо не находят, так что самое что ни на есть зло остается фактически безнаказанным. Да и кому охота копаться в «бытовухе», если на каждого следователя таких дел – десяток и каждый день появляется что-то новое? Если свидетелей вроде бы полно, а никто ничего не видел, если причин для преступления – никаких, а выгода – копеечная? Даже зацепиться толком не за что, вот умученные следователи и не цепляются, оставляют «висяк» за «висяком». Иногда по чистой случайности преступление раскрывается, но это можно считать редким исключением, которое лишь подтверждает общее правило. Так что раскрыть дело может только какой-нибудь особо въедливый Пинкертон-любитель. Или – журналист.

В этом направлении главный редактор и подтолкнул своего любимца. И не ошибся.

При внешней холодности и невозмутимости, Илья обладал незаурядным даром: мертвой, так сказать, бульдожьей, хваткой, как говорят собачники – с прикусом. Если он вцепился в какое-то дело, то можно было быть уверенным на все сто процентов, что, если он его и не раскроет, то несколько крепких ниточек обязательно нащупает и по возможности размотает. И если по ним те, кому это положено по должности, не выйдут на подлинных преступников, то с них (не с преступников, конечно) и спрос.

Так удалось раскрыть несколько, казалось бы, безнадежных дел, причем в ходе работы Илья приобрел репутацию неподкупного и бескомпромиссного человека. А также продемонстрировал полное бесстрашие и абсолютное отсутствие почти всем присущего инстинкта самосохранения.

Одно из дел, которым он занимался, было зачислено в разряд безнадежных: молоденькую девушку, почти девчонку, пытались изнасиловать двое здоровенных парней. Основной своей цели они так и не достигли, девушку спасли модные, невероятно узкие джинсы, которые не так-то просто было с нее стянуть. Но парни обозлились и избили ее до полусмерти. Виновники были известны, но...

Но, как шепнули Илье по секрету, дядя одного из них был, так сказать, «крестным отцом» доброй половины Волжска. Илья этим сообщением пренебрег, спокойно занимался своим делом и дождался: к нему домой явились двое, «морда ящиком, грудь – кирпичом» и предложили расписаться в получении конверта с энной суммой и заглохнуть или не расписываться и, разумеется, тоже заглохнуть, но уже с гарантированной инвалидностью. Илья только усмехнулся:

– И сколько мне предлагают за молчание?

– Сколько положено, – ответил один из посланников. – И учти, боссу ты надоел. Он у нас считает до трех, а у тебя уже два с половиной. Жить надоело?

– В том дерьме, которое вы вокруг навалили? Надоело. Вот и стараюсь все почистить.

– Не надорвешься?

– Не твоя печаль. Бери свой конверт и отваливай. И учти: я никого не боюсь, жить в страхе не собираюсь, а родных-близких у меня нет. Так боссу и передай. Если он не успокоится, я и за него возьмусь, потешусь перед смертью. А за меня его вполне могут посадить – для порядка и острастки.

Удивительно, но Илью оставили в покое, а племянника-насильника из Волжска быстро куда-то спланировали, чтобы, значит, не мешал нормальной работе организованной преступности. Его подельника громко и торжественно посадили и тихонько без помпы выпустили под залог. Илья к этому времени про них и думать забыл, тем более, не представлял себе, что жизнь вскоре столкнет его с самим «хозяином города». Может быть, и к лучшему: предвидение дано очень немногим людям, наверное, не случайно.

Тем временем пострадавшая со своими родителями перебралась в другой город, потому что провинциальная мораль однозначно обвиняла в таких событиях женщину: дала повод. Сиди дома, не ходи поздно по улицам, никто на твою честь и не покуситься, да и здоровье целее будет. После этого история заглохла сама собой, благо было в чем разбираться и о чем писать и помимо нее.

Никто не понимал одного: почему история с племянником-насильником сошла Илье с рук. Тут было мало простого везения, тут уж нашему герою явно кто-то ворожил. Конечно, маленький провинциальный городок – не бог весть какое райское место для молодого, честолюбивого человека, но, может быть, это только начало. Может быть, есть где-то и у этого «правдолюбца» мохнатая рука, благодаря которой он и ведет себя так смело. Чтобы не сказать – нагло.

Сотрудники правоохранительных органов и злились, и восхищались, рядовые читатели на журналиста Астраханского только что не молились, а коллеги... пожимали плечами и в общем даже не завидовали. Повадился кувшин по воду ходить – тут ему и голову сложить. Правдоискатели-идеалисты в России конца двадцатого века – это ведь камикадзе. Или саперы-добровольцы, без специального снаряжения. Завидовать им может только сумасшедший.

Но сам Илья был почти счастлив. Любимое дело приносило пользу людям, принципами поступаться не приходилось, если не друзья, то близкие приятели уже появились, к кому-то можно было вечером «на огонек» забежать, с кем-то в свободный день на природу поехать. Ну, девушки – это особая статья, о них чуть позже.

Особенно теплые отношения завязались у Ильи с молодой супружеской парой – Алексеем и Аленой, – жившими этажом выше и периодически конфликтовавшими с квартирной хозяйкой Ильи, Анной Петровной, из-за несовпадения ритма их жизни: у молодых она начинала бить ключом часов с десяти вечера, как раз тогда, когда пожилая женщина собиралась ложиться спать.

Самому Илье было совершенно безразлично, что происходит вокруг него: если он хотел спать – то спал, хоть в абсолютной тишине, хоть под дрель отбойного молотка. Но понять пожилую женщину он был в состоянии, посему посоветовал ей... немного сменить график. Посмотреть по телевизору какой-нибудь фильм после десяти часов вечера или почитать книгу. Поначалу Анна Петровна бурно воспротивилась такому нововведению:

– Это во сколько же я вставать буду, если за полночь ложиться? К обеду, что ли?

– Зачем к обеду? Часов в восемь, думаю. А то вы просыпаетесь до рассвета, потом сами говорите, что самые нехорошие мысли к вам в это время и приходят. А вы их обманите...

– Привыкла с курами-то вставать. А может, и верно. Вечером всегда есть, чем себя занять... Опять же – на пенсии, на работу не бечь... Попробовать нешто?

Потихоньку от Анны Петровны Илья встретился с ее молодыми соседями и попросил их после полуночи особо не шуметь. Один-два раза в месяц – куда ни шло, дело молодое. Но каждый вечер... Все-таки не в отдельном доме живут.

Ни Алена, ни Алексей, скандальными не были и мирные отношения с соседями ценили. Не сразу, но был найден, как было модно говорить в то время, консенсус, и молодая пара по-настоящему подружилась с Ильей. Вклад в эту дружбу Алены состоял в том, что она время от времени пыталась познакомить молодого соседа-холостяка с какой-нибудь своей подругой, но успеха в этих действиях не достигла. То есть знакомств Ильи, естественно, не чурался, способен был поддержать любую компанию, потанцевать, пофлиртовать... Но имел неприятную привычку при первой же встрече заявлять:

– Красавица, я к серьезным отношениям не готов. Так что если желаете развлечься и приятно провести время, можете на меня рассчитывать. Если хотите устраивать жизнь всерьез и надолго – то это без меня. Пока, во всяком случае.

Девушки, естественно, обижались, высказывали свои претензии Алене, та обречено вздыхала и пыталась в очередной раз образумить Илью:

– Илюша, ну зачем ты так? Тебя никто в загс не волочет, ничего такого не предлагает, а ты с места в карьер: «Не хочу жениться!» Это обязательно надо вслух говорить?

– Обязательно! – твердо отвечал Илья. – Чтобы не было лишних надеж и лишних же разочарований. Человеческие отношения должны строиться на правде.

– Да кто тебя просит врать?! Промолчи... Нет, точно, горбатого могила исправит. Больше ни с кем тебя знакомить не буду, клянусь!

Илья в ответ обаятельно улыбался, потому что прекрасно знал – будет. Женщины, вне зависимости от возраста и семейного положения, обожают знакомить, составлять пары и вообще устраивать личную жизнь окружающих. Алена в этом случае не была исключением. А девушки и в Волжске, похоже, были не прочь посостязаться друг с другом в том, кто быстрее «окольцует» молодого, симпатичного и талантливого холостяка. Из чего сам Илья, как и в Ростове, извлекал немало выгод, хотя сам лично ничего особенного не делал и голову никому специально вскружить не пытался.

Так что нормального любовного романа ни с кем не получалось, а короткие встречи тет-а-тет, как правило, не приводили к более тесному сближению. Возможно, потому, что сам Илья этой стороне жизни особого внимания не придавал, чему-то учиться не хотел, тем более – совершенствоваться «в науке страсти нежной». Амплуа потрясающего любовника его не манило, а интимные отношения, как отдельный вид спорта, не рассматривались. Немудрено, что девушки оказывались разочарованными, тем более что материальные возможности не позволяли Илье водить подруг в кафе или делать им дорогие подарки.

С Алексеем же Илью связала взаимная прочная симпатия, незаметно переросшая в подлинную дружбу. Ту самую, которая мужская, и о которой сложено столько легенд и песен.

Противоположности, как известно, сходятся, поэтому не стоит удивляться тому, что у замкнутого и холодноватого Илья другом стал легкомысленный балагур, ради красного словца, как говорится, не жалевший ни матери, ни отца, с неотразимо-забавной манерой разговора. Неожиданные его высказывания способны были заставить расхохотаться даже самую мрачную личность. Илья же в компании Алексея вообще чувствовал себя мальчишкой и с удовольствием поддерживал шутливую тональность разговора, зная, что в случае необходимости, на помощь друга можно рассчитывать стопроцентно.

Анна Петровна и до удачной «миротворческой миссии» в своем жилище души не чаяла, а после нее и подавно. Когда же узнала, что ее тихий, вежливый и аккуратный жилец «тот самый Астраханский», то первое время даже растерялась: как с ним теперь обходиться? По-прежнему? Неудобно, вроде бы известный в городе человек. По-новому? А как – по-новому, если она успела привязаться к нему, точно к родному сыну, давно обращалась на «ты» и даже ворчала, если Илья слишком легко, с ее точки зрения, завтракал или одевался.

Но потом привыкла и даже стала рассказывать соседкам, что Илья ей вовсе не посторонний, а сын старой подруги, которая, царствие ей небесное, давно померла, а приглядеть за сиротой сам Бог велел. К счастью, до Ильи эти разговоры не доходили, иначе неизвестно, как бы он расценил невинную ложь Анны Петровны.

Поскольку убедить Илью не платить за комнату ей никак не удавалось, то она стремилась компенсировать это уборкой, стиркой, готовкой и прочими почти материнскими заботами. Неизбалованный ими, Илья искренне привязался к пожилой женщине, воспринимая ее если не как мать, то как родную тетку, даже называть стал соответственно – тетей Аней. Что, как легко догадаться, косвенно подтверждало ее версию о том, что квартирант-то не совсем как бы и квартирант, а кто-то вроде дальнего родственника. Соседки в конце концов даже завидовать стали: одного сына Бог прибрал, так на тебе – второго получила, везучая. Конечно, в лицо Анне Петровне этого никто не говорил, но слухи, слухи, слухи...

В общем, жизнь улыбалась нашему герою, а он умел ценить такие улыбки. И не подозревал, что судьба уже приготовила ему свой главный сюрприз, и что он скоро окажется на перекрестке, все дороги которого определены, маршруты выверены чуть ли не до сантиметра, и от его выбора будет зависеть чрезвычайно мало... Если вообще что-нибудь будет зависеть.

Глава третья. Хорошая фея

Довольно-таки уютным мартовским вечером, когда с реки дул пронизывающий ветер, с неба сыпался то ли мокрый снег, то ли полужамерзший дождь, а под ногами лед чередовался с лужами, Илья вышел из здания редакции и отправился домой, мечтая поскорее добраться до теплой комнаты, горячего чая и какой-нибудь еды. А главное, ему хотелось окунуться в уютную атмосферу, царившую вокруг Анны Петровны и хоть на какое-то время забыть... Точнее, забыться.

Всю неделю он колесил по области, разматывая очередное бытовое убийство, страшное в своей нелепости, и ему казалось, что он теперь всю жизнь будет помнить остановившиеся глаза молодой женщины, мужа которой заезжие подонки убили ночью в гараже, польстившись, как выяснилось, на теплую куртку и меховую шапку. Во всяком случае, так они объяснили следователю, когда с помощью Ильи удалось обнаружить убийц, объявленных в розыск, чуть ли не в соседней деревне, где их никто и не думал искать. Поскольку никто и предполагал, что вот эти двое обыкновенных мужиков, тугодумы и не слишком поворотливые – убийцы.

Они были настолько ошеломлены внезапным визитом милиции, что и не думали отпираться. Впрочем, и признаваться, как выяснилось, им тоже было не в чем. Сидели, пили, как водится, не хватило, пошли добавили. Опять мало оказалось. Поехали в соседнюю деревню к знакомой. Той, как на грех, не оказалось дома. По соседству в гараже возился какой-то мужик. Они у него попросили прикурить, а тот оказался некурящим. Что было потом, они помнили смутно:

– Вроде, я ему в зубы дал... Или не я? Не помню. В общем, он – бряк, и лежит. Скушает...

– Экспертиза установила, что его ударили по голове металлической трубой. Она валялась рядом с трупом, – сдержанно заметил Илья.

– Трубой? Может, и трубой. Но били-то без сердца, просто обидно стало. Денег нет, сигареты кончились... Ну вот, взяли куртку и шапку, по дороге кому-то загнали за две бутылки. Утром вспоминали, вспоминали – пустота одна. А оно вон как...

– Вы человека убили! – почти сорвался Илья. – Двух детей сиротами оставили. И за что? За две бутылки водки?

– Да кто ж думал-то убивать? А оно вон как...

Последнюю фразу оба приятеля и повторяли все время, точно какое-то заклинание. Ни раскаяния, ни сожаления, ни даже страха. Типичная тупая реакция людей, которые думают только о том, чем похмелиться и где взять денег на очередную выпивку... И сколько таких развелось в последнее время – уму непостижимо! На улицу страшно выйти самому обычному человеку. Искалечат, убьют за пару рублей, за поношенные кроссовки, да просто – ни за что. За то, что подвернулся, так сказать, под горячую, а точнее пьяную руку... Что за страна, в которой могут убить «просто так»? Что за народ, который не ценит ни свою, ни чужую жизнь?...

Из раздумий Илью вывел резкий визг тормозов и несильный, но ощутимый удар в спину. Он не удержался на ногах и полетел на тротуар, приземлившись в опасной близости от чугунной тумбы, сохранившейся на неширокой улице чуть ли не с дореволюционных времен. В полуметре от себя Илья заметил черный блестящий бок машины и понял, что какой-то «крутой» опять развлекался ездой по тротуару, игнорируя мостовую – не слишком оживленную вообще, и что сам он очень дешево отделался, во всяком случае, если судить по ощущениям. Ни переломов, ни вывихов, ни ушиба головы, ни, следовательно, сотрясения мозга. Тем не менее, подниматься на ноги он не очень спешил, давая время пройти естественному шоку.

Из машины какое-то время никто не выходил, потом правая передняя дверца резко распахнулась и появилась женская фигура со смутно белеющим в темноте лицом. Фигура постояла несколько секунд возле машины, а затем сделала неуверенный шаг в сторону Ильи.

– Дана, вернись, не глупи! – раздался ей вслед мужской голос. – Ничего с мужиком не будет, впредь не станет спать на ходу.

– Оставь меня в покое! – резко отозвалась женщина. – И убирайся отсюда, если не хочешь, чтобы я милицию вызвала.

– Даже так? – хмыкнул невидимый водитель. – Ну, ты меня напугала до смерти, я поехал поскорее с места происшествия, пока милиционеры не прибыли.

– Давай-давай, – отозвалась женщина, не поворачивая головы в сторону машины.

– Наиграешься в сестру милосердия и добрую фею – позвони, – пустил шпильку мужчина напоследок. – Желание женщины для меня – закон, а твое – тем более.

Дверца хлопнула, мотор мягко заурчал и машина почти бесшумно растворилась в темноте. Незнакомка подошла вплотную к Илье, который уже сидел, а не лежал на тротуаре, и склонилась над ним:

– С вами все в порядке? Может быть, врача вызвать?

Голос был низкий, бархатный, какой-то обволакивающий. Такой голос должен был принадлежать зрелой женщине, обязательно брюнетке, с темными, глубокими глазами и чувственным ртом. Завораживающий голос...

– Сейчас разберемся, – откликнулся Илья, недоумевая, почему женщина предпочла его своему спутнику, почему вечером не побоялась остаться один на один с незнакомым мужчиной и вообще – почему?

Женщина протянула руку, помогла подняться. На Илью пахнуло каким-то незнакомым ароматом, сочетанием запаха цветов и свежести, словно распахнулось окно в весенний сад. Приглядевшись, он обнаружил, что держит за руку очень молодую девушку, почти девочку, и что эта девочка глядит на него с неподдельным участием, если, конечно, он не ошибался и не принимал за это выражение причудливую игру света и тени на вечерней улице. Но нарисованному в его воображении образу роковой брюнетки она никак не соответствовала. Все в ней было скорее наоборот: светлое, изящное, невинное.

– Все в порядке, – успокоил он ее, – отделался, как говорят, легким испугом. Задумался и вот...

– Вы тут не при чем! Все этот... Супермена из себя изображает, носится на своей тачке, как сумасшедший. Думает, что если у его папеньки есть деньги, то ему все позволено.

– А разве нет? В наше-то время...

Девушка передернула плечами:

– Не знаю! Мне это противно. Давайте, я вам помогу до дома дойти. Я тоже виновата, что допустила такое свинство, не остановила раньше. Вы весь испачкались, промокли... Да и ушиблись, наверное?

– Ничего, до свадьбы заживет, а идти до дома мне близко. Только... Зачем вам меня провожать? Как-то неловко даже. И потом мы даже не знакомы...

– Меня зовут Дарья... Даша. А вас?

– А меня – Илья.

– Ну вот мы и познакомились. И теперь я просто не могу вас оставить. Да и вам неловко будет бросать свою знакомую одну на улице.

Илья про себя поразился тому, как умело его новая знакомая обыграла ситуацию, как ненавязчиво взяла инициативу в свои руки и направила события по нужному ей пути. Между прочим, даже не по-женски как-то, а по-мужски. Царапнула мыслишка о том, что девушка уж очень бойкая и находчивая, несмотря на юный вид.

Но десять минут спустя он уже не думал ни о чем таком, а просто с удовольствием разговаривал на отвлеченные темы с остроумной и явно интеллигентной собеседницей. Тем более что голос Даши, так поразивший его с первой же произнесенной ею фразы, продолжал оказы-

вать свое магическое действие: от его звука у Ильи буквально кружилась голова и произносимые слова не имели особого значения.

Анна Петровна заохала, увидев перепачканного Илью, заставила пойти переодеться, а сама кинулась на кухню – кормить и поить жильца и нечаянную гостью. Даша и с ней держалась уверенно и непринужденно, с чуть заметным оттенком почтительности. Илья про себя еще раз подивился выдержке и такту молодой особы, но уже без недоверчивости, а просто – отметил.

А когда, переодетый и умытый вышел на кухню, то застал там самую идиллическую картину: женщины в четыре руки накрывали на стол и болтали, точно сто лет были знакомы. Точнее, Даша беседовала так, как если бы разговаривала не с новой знакомой, а с пожилой дальней родственницей, такой оттенок имела дашина повадка. То есть именно то, что требовалось, ни чрезмерной фамильярности, ни излишней зажатости. И разговор шел самый незамысловатый: о студенческих буднях, об илюшиной занятости, о том, что дашины родители, слава богу, пока живы-здоровы, вполне активные люди, а вот бабушка, царствие ей небесное, несколько лет назад приказала долго жить.

– Хорошо умерла, – с легкой грустью сказала Даша. – Поужинала, как обычно, телевизор посмотрела и спать пошла. Утром смотрим – нет нашей бабушки, скончалась во сне, тихо-тихо.

– Дай бог нам так всем вместе и каждому по отдельности, – не без зависти вздохнула Анна Петровна. – Ну, да все мы там будем, с Богом судиться не станешь. Илюша, садись к столу, все готово.

Часа через два Даша собралась уходить и, конечно же, Илья отправился ее провожать. Он уже знал, что девушке двадцать лет, что она учится на третьем курсе местного института иностранных языков, что мама у нее не работает, а отец – «а-а, ерунда, бумажки перекладывает, да по телефону разговаривает, если по командировкам не мотается», что Даша – единственный ребенок в семье, причем ребенок поздний, «так что, сами понимаете, Илья, они бы меня по сей день в манеже держали, если бы могли, да слюнявчик подвязывали».

Слушать ее было интересно, говорила она обо всем с еле заметной насмешкой, но насмешкой добродушной, а если улыбалась по-настоящему, то эта улыбка удивительно красила простенькое личико без следа косметики, на котором – по странной прихоти природы – сияли огромные серые глаза, точно позаимствованные у какой-то сказочной красавицы.

– Можно мне позвонить вам как-нибудь, Даша? – спросил Илья, прощаясь с ней у подъезда довольно внушительного дома, как принято говорить, «улучшенной планировки» и – что совершенно для него нехарактерно – не обращая на этот самый дом ни малейшего внимания. – Мне бы хотелось пригласить вас куда-нибудь, по вашему выбору.

– Позвоните, – без жеманства откликнулась Даша. – Я с удовольствием с вами встречусь. А выбор – за вами, у меня фантазия бедная. Телефон запишите или запомните?

Илья никогда не жаловался на память, наоборот, гордился ею, но тут, из чувства непонятного ему самому суеверия, записал номер на отдельной чистой странице блокнота. Ни имени, ни инициалов – только шесть цифр. И потом, не торопясь, шел домой, радостно удивляясь тому, какие невероятные повороты бывают в судьбе. Не было бы счастья...

Неделю спустя Илья уже не понимал, как мог жить без Дашы. В кафе они были единственные раз: при том, что Даша ничего не просила и всему радовалась, вечер обошелся в слишком круглую для Ильи сумму. Так что впоследствии они просто гуляли или сидели в комнате Ильи, разговаривая обо всем – и ни о чем.

Уже избалованного известностью журналиста умиляло и забавляло то, что девушка, похоже, понятия не имела о том, кто он на самом деле и приняла на веру слова об «окололитературной деятельности». Удивляясь самому себе, он рассказал Даше о «прелестях» жизни в детском доме, о том, как непросто и полон досадных помех путь к самостоятельности – не столько духовной, сколько материальной. И если бы он панически не боялся «красивых

слов», то едва ли не на второй день знакомства признался бы себе, что влюбился. Первый раз в жизни.

Хотя при чем тут красивые слова? Если честно, Илья просто не понимал, что с ним происходит. В его жизни женщины всегда занимали так мало места, что мысли о них не тревожили его вообще. Разве что о недоброй памяти Виктории думалось ему чаще, чем следовало бы, но исключительно из-за того, что он боялся какого-нибудь безрассудства с ее стороны. Об остальных он забывал в ту же самую минуту, когда прощался – до следующей встречи или навсегда. Причем забывал совершенно искренне.

– Илья, – сказала ему как-то одна из его краткосрочных возлюбленных, – а ведь про тебя даже песня есть. Недавно по радио слышала.

– Это какая песня? – лениво осведомился Илья, абсолютно всем в данную минуту довольный и меньше всего желающий выяснять отношения, пусть даже и хорошие. – Это та, в которой про журналиста? «Трое суток шагать, трое суток не спать, ради нескольких строчек в газете»? Да?

– Нет, – усмехнулась девушка, – это та, в которой припев замечательный. «Не ходи к нему на встречу, не ходи, у него гранитный камушек в груди».

– У меня – камень в груди? – неподдельно изумился Илья. – Ну, ты даешь, дорогая моя! Чем обязан такому мнению?

– Только себе. Ты вот сейчас меня обнимал, а думал совершенно о другом. По глазам видно.

– Ну и что? Действительно, думал о другом. Но по-моему, на качестве процесса это не отразилось, если судить по твоей реакции... Впрочем, спасибо за подсказку, впредь глаза буду закрывать.

Чем закончилась эта увлекательная беседа, Илья и не помнил уже. Как, впрочем, не помнил и имени этой девушки, любительницы эстрадных песен. Хотя слова о гранитном камушке в груди его все-таки задел, да и кого бы обрадовало такое мнение?

Но – и в этом вся соль – герой наш искренне считал, что любовь – это литература, театр, кино, но уж никак не реальная жизнь. Что люди выдумали себе эту красивую сказку, дабы прикрыть слишком уж неприглядный смысл отношений между мужчиной и женщиной. Дружба – да, это действительно высокое и искреннее чувство, дружба и в жизни встречается ничуть не реже, чем в произведениях искусства. Но любовь... Помилюйте, и говорить-то смешно!

Так что совершенно верно: хорошо смеется тот, кто смеется последним. И по иронии судьбы, Илье пришлось испытать все прелести любовного помешательства, еще даже не отдавая себе отчета в том, что это – любовь. Он не обратил внимания на то, что девушка практически мгновенно согласилась на дальнейшие встречи и тут же дала свой телефон, не спрашивая, кстати, его номер телефона. Короче говоря, Илья вообще ни на что не обратил внимание, кроме самой девушки.

Более того, он позвонил Даше на следующий же день, едва дождавшись более или менее приличного времени – будь его воля, он бы позвонил в шесть часов утра. Это он-то, всегда гордившийся своей волей и выдержкой! И с трудом взял себя в руки, когда после первого же звонка трубку сняли и неподражаемый голос, который всю ночь грезился ему в полусне-полумечтах отозвался:

– Слушаю вас.

Несколько секунд, которые ему самому показались вечностью, Илья не мог произнести ни слова, так перехватило горло. Но все же как-то с собой справился и произнес:

– Доброе утро, Даша. Это Илья, если вы меня помните.

В ответ раздался смех, такой же обворожительно-русалочий, как и голос. И совершенно необидный:

– Илья, ну как я могла забыть человека, с которым только вчера познакомилась? С памятью у меня, слава богу, все хорошо.

Илья не нашелся, что ответить. Но Даша как будто и не заметила возникшей паузы.

– С вами все в порядке? Я беспокоилась: может быть, за ночь выскочили все-таки какие-то последствия... Вы же упали, ударились. Все хорошо?

– Все просто отлично! А чтобы доказать вам это, приглашаю вечером посидеть в кафе. На ресторан у меня, простите, денег нет.

– Вы всегда так откровенны? – уже серьезнее спросила Даша. – Странно... Но в общем-то даже занятно, я такого еще никогда не встречала. Знаете, в кафе тоже ходить не обязательно, можно просто погулять.

– Ну, нет, – рассмеялся Илья, – кафе мой бюджет выдержит. А насчет откровенности... Знаете, Даша, я считаю, что всегда нужно говорить правду. Только правду. Тогда все намного легче и проще.

– Вам или окружающим?

И снова повисла пауза. Илья подумал: так могла сказать только Рита. Расставить правильно все акценты, не обидеться и не обидеть собеседника. Мудрая Рита, которая терпела его и понимала, как никто, самый его близкий друг. А тут – двадцатилетняя девчонка, вряд ли особо искушенная в жизни и в тонкостях человеческих отношений, нашла ту самую, единственно верную для Ильи интонацию...

Удивительное – рядом. Или – теперь уже далеко? Может быть, он отпугнул ее своей излюбленной правдивостью и теперь она вежливо и элегантно закончит разговор и вычеркнет из своей памяти и телефонный звонок, и растяпу-журналиста? Как он сам делал десятки раз... От этой мысли Илью бросило в холодный пот.

– Я не знаю, Даша. Наверное, мне. Но я думал...

– Но вы думали, что быть честным – это доблесть. Хорошо, убедили. Так что вы говорили насчет кафе? Я согласна.

– Правда? – непроизвольно вырвалось у Ильи и оба они расхохотались...

В тот день стрелки часов, казалось, приклеились к циферблату. Во всяком случае, Илье показалось, что до шести вечера прошло не восемь часов, а все сорок восемь. И уже за полчаса до назначенного срока он сорвался с работы, немало удивив этим и коллег, и начальство, поскольку все успели привыкнуть, что Астраханский первым приходит в редакцию и последним ее покидает.

Чуть ли не в последнюю минуту вспомнил, что девушкам полагается дарить цветы. Полагается-то полагается, но сам он своих более или менее временных подруг такими презентами не баловал, считал пустой тратой денег. Да и вообще подарки делал только тогда, когда был, с его точки зрения, стоящий повод: день рождения, например. А все остальное – придуманные людьми приманки. Если нравится девушке – то и без цветов и подарков с ним будет. Если нет... Ну, на нет и суда нет.

Он ждал Дашу на условленном месте, чувствуя себя несколько неловко с розой в нарядном целлофане, и не понимал, почему так нервничает. Почему мысль о том, что девушка может передумать и не прийти, приводит его в самую настоящую дрожь. Ему было необходимо увидеть ее еще раз – зачем-то. И услышать ее голос...

«Вот только сегодня. Пусть я ей не понравлюсь, пусть больше никаких встреч не будет. Но сегодня мне обязательно надо ее увидеть. Зачем? Не знаю, но чувствую, что надо. Только бы она не слишком опоздала... Впрочем, все равно буду ждать, даже если придется до ночи здесь простоять.

Идиот, если она опоздает больше, чем на двадцать минут, она не придет. Не гони волну, Астраханский, не валяй дурака. Придет – не придет, не утрата для короля и не приобретение

для бога. Не ври себе, только этого не хватало! Ты же хочешь, чтобы она пришла, ты никогда в жизни ничего так не хотел...»

От разговора с самим собой его оторвало несмелое прикосновение чьей-то руки к локтю. Он обернулся: Даша стояла рядом с ним и смотрела на него смеющимися глазами.

– У вас был такой свирепый вид, что я даже не сразу решилась подойти. Вы сердитесь? Надеюсь, не на меня, я пришла почти вовремя.

Электрические часы на столбе действительно показывали четыре минуты седьмого.

– Здравствуйте, Дашенька. Я не сержусь, просто задумался.

– О чем?

– О вас, – просто ответил Илья. – Я очень боялся, что вы не придете. Знаете, для меня в первый раз в жизни оказалось важным, придет девушка на свидание или нет. Только не спрашивайте – почему. Я не знаю.

И Даша не стала его спрашивать об этом. Три часа, проведенные в небольшом, тихом кафе, показались Илье тремя минутами. А еще ему казалось, что они с Дашей знакомы уже давным-давно, что эти прекрасные серые глаза околдовали его в незапамятные времена, а не сутки тому назад. Хотя, если бы кто-то сказал Илье, что он будет испытывать подобные чувства, да еще к малознакомой девушке, реакцией было бы веселое изумление. В лучшем для собеседника случае. В худшем же Илья недвусмысленно покрутил бы пальцем у своего виска.

Проводив Дашу домой и договорившись о том, что обязательно позвонит ей на следующий день, Илья неторопливо пошел к себе, вспоминая проведенный вечер. Воспоминания были приятными, ожидание завтрашнего дня – еще более приятным и этими чувствами срочно хотелось с кем-то поделиться, что, в принципе, для Ильи было совершенно нехарактерно.

И тем не менее, он не стал сразу открывать дверь своей квартиры, а поднялся этажом выше и позвонил к Алексею и Алене, благо время было еще детское – десять часов вечера, а раньше полуночи молодые супруги не ложились, да и гостей, в том числе и незваных, любили принимать в любое время суток.

Алена открыла дверь и радостно закричала:

– Лешик! Илья пришел, выключай телевизор, будем чай пить! Я как чувствовала, пирожков напекла, а есть некому...

– Аленка, не могу. Я просто посидеть зашел, а сам только что из-за стола.

В дверях возник монументальный Алексей и тут же внес ясность в происходящее:

– Старик, пирожки не еда, а закусь. У меня бутылка водовки в холодильнике мерзнет. Сейчас сядем, расслабимся, за жизнь поговорим. Легко!

Илья и опомниться не успел, как его уже затащили в кухню и усадили за стол. Алексей устроился напротив, а Алена начала стремительно заставлять яркую клеенку всевозможными тарелками, тарелочками, мисками и мисочками. Готовить в этом доме любили не меньше, чем вкусно поесть.

А поскольку Алена трудилась в городской санэпидемстанции, продукты в доме всегда были не просто свежими – свежайшими, что в наше время практического отсутствия дефицита на самом деле самым большим дефицитом и является. В довершение ко всему, за продукты Алена не платила. Принципиально.

– Нет, Илюшенька, – хохотала она каждый раз, когда тот пытался указать ей на противозаконность подобного образа жизни, – я не преступница. Взятки я не беру, это всем известно. А маленькие подарки – ес-с-сественно. Коммерсанты меня любят, я девушка бедная, но честная. Если в палаточке или в магазинчике чисто, то я никогда придраться не буду, как некоторые, лишь бы денежку в карманчик положить. А подарочки... Посмотри, какая рыбка, прямо золотая, вчера еще плавала, а сегодня уже очень горячо копченая у нас на столе. Легко! А помидорчики? Один к одному, без пятнышка, сегодня утром с грядки сняли. А сало-то сало...

– Ох, Алена, наживешь ты неприятностей на свою голову, – вздыхал Илья. – Как вы с Алешкой любите выражаться, – легко! Донесет на тебя кто-нибудь из твоих коллег – и что тогда?

– А за что на меня доносить? Рыбку и помидорчики специальной краской не пометишь. Сало – тем более. Так что не переживай так сильно, тем более, что человек я справедливый, хотя и веселый.

– Но если все-таки...

– А тогда, старичок, мы пойдем другим пешком, – вмешивался Алексей. – Я из любой консервной банки могу иномарку сотворить, у Алены тоже руки на месте. Откроем частный автосервис. Семейный бизнес, так сказать. А ты про нас напишешь что-нибудь такое душевное, скрыто-рекламное. Легко! Договорились?

Сердиться на ребят было абсолютно невозможно. Да если честно – и не хотелось. Вот и на этот раз Илья скептически оглядел стол, заставленный всевозможными деликатесами, которые венчало огромное блюдо с коронным Лениным блюдом – слоеными пирожками, – вдохнул пьянящие ароматы и сдался на милость гостеприимным хозяевам. Тем более что в кафе на самом деле не столько ел, сколько разговаривал, да и заказ там был, прямо скажем, небогатый. А кофе с пирожными – что за ужин для нормального молодого мужика?

– А говоришь, только что из-за стола, – поддела его Алена, с удовольствием наблюдая, как исчезают пирожки и прочие закуски. – Кто же тебя так плохо накормил?

– Никто меня не кормил. Я был в кафе с девушкой.

– Хорошая девушка-то? – поинтересовался Алексей. – Мы ее знаем?

Илья покачал головой.

– Нет. Я сам с ней только вчера познакомился.

– А ты сказал ей, что не готов к серьезным отношениям? – поинтересовалась Алена с плохо скрытой насмешкой. – Подготовил к неизбежным... необязательностям отношений с тобой?

Рука Ильи замерла на полпути от тарелки ко рту. Его вдруг поразила мысль о том, что он впервые, встречаясь с девушкой, не сказал свою излюбленную дежурную фразу. Более того – даже не подумал о том, какие отношения будут у него с Дашей: это казалось ему кощунственным. Да что с ним происходит, в самом деле, с ума, что ли, сошел?

– Так сказал? – настаивала Алена. – Что ты будто околел? Что-нибудь не так?

– Да оставь ты его в покое, – заступился за друга Алексей. – Какая тебе разница? Илья у нас мужик правильный, девиц содержит в строгости. И это верно. Ну, еще по одной? Дернем, как говорится, за веревочки – челюсти отвалятся.

Илья потряс головой и включился в дальнейший разговор, так и не ответив на вопрос Алены. Говорить правду ему почему-то не хотелось, а уж врать он тем более не желал. Да просто не мог. И если шел он к друзьям с подсознательным стремлением поговорить о Даше, то теперь понимал, что делать этого не будет ни в коем случае. Что Даша – это его тайна, которую никому не нужно открывать. Во всяком случае, пока. И уж если есть человек, с которым он может поговорить на эту тему, то человек этот – Рита, а не Алексей и уж тем более не Алена.

И Рита словно почувствовала его настроение через сотни километров. Когда почти в полночь Илья, наконец, вернулся домой, Анна Петровна против обыкновения не спала, а дожидалась его.

– Тебе Рита звонила. Два раза уже, – сообщила она с порога. – Наверное, случилось что-нибудь. Позвони ей, я обещала, что передам. Просила тебя позвонить в любое время, когда бы ни пришел.

– Что случилось, Ритка? – спросил он подругу, когда та почти мгновенно сняла телефонную трубку. – Неприятности?

– Нет, – услышал он далекий знакомый голос, – мне почему-то показалось, что неприятности у тебя. Тревожно стало, ну я и позвонила. А тебя все нет и нет...

– Я был в гостях, – засмеялся Илья, у которого тут же отлегло от сердца. – У моих соседей, я тебе про них писал и рассказывал. А еще я вчера познакомился с одной девушкой... Алло, Рита! Ты меня слышишь?

– Слышу, – отозвалась та после почти незаметной паузы. – Странно, что ты об этом говоришь.

– Почему странно?

– Обычно ты рассказываешь не о том, что познакомился, а о том, что расстался. Или о том, что опять увернулся от брачных уз.

Илья подумал, что Рита как всегда абсолютно права и очень хорошо его знает. У него действительно не было привычки рассказывать о своих амурных похождениях. Но тут-то совершенно особый случай.

– Это необыкновенная девушка...

С каким трудом он на этот раз подбирал слова. И ведь разговаривал не с посторонним человеком, а с ближайшим своим другом. Чуть ли не единственным другом.

– Я как раз сегодня вечером подумал о тебе, Ритка. О том, что только тебе и могу о ней рассказать. Она удивительная... Почти девчонка, а рассуждает как взрослая, опытная женщина. И голос у нее – необыкновенный.

– Я тебя не узнаю, Илья. Наверное, это действительно что-то сверхъестественное, если ты так о ней говоришь. Ты ведь женщин не слишком жалуешь, так, используешь...

– Ну, знаешь! – искренне оскорбился Илья. – Выходит, тебя я тоже использую? Или, в крайнем случае, не жалую? Опомнись, родная...

– А обо мне речи нет, – вздохнула Рита, – я для тебя не женщина. Только не думай, что меня это огорчает, наоборот. Но вот с другими... Скажи, пожалуйста, ты и ее уже успел предупредить, что не собираешься жениться?

– Мы были с ней в кафе... И еще ни разу не поцеловались. Собственно, мы только вчера вечером познакомились. Так что о женитьбе никто не думает.

В трубке раздался смешок.

– Какие чудеса происходят, Астраханский? Ты второй раз встречаешься с девушкой и даже не поцеловал ее? Не говоря уже о более интимных отношениях... Неужели...

– Все когда-то бывает в первый раз, – чуть смущенно ответил Илья. – Можешь мне не верить, но я и не думал пока ни о каких поцелуях. Мне и так с ней хорошо.

– Илюша, я даже не знаю, радоваться за тебя или огорчаться. Похоже, ты влюбился, а поскольку у тебя это, насколько мне известно, впервые, то возможны всякие неожиданности... Хочешь, я приеду на пару дней, мне все равно нужно в командировку в ваши края? Поговорим...

– Если честно, Рита, то не знаю. Я, конечно, всегда рад тебя видеть, но... Впрочем, приезжай, познакомлю тебя с Дашей. И с тетей Аней, то есть с Анной Петровной. Действительно, приезжай, мы ведь почти год не виделись.

– Хорошо, – услышал он после неуловимой паузы, – я приеду. А пока – удачи тебе. Кстати, я тут неплохо подхалтурила в одном издании, так что заодно и подарок тебе привезу.

– Это по какому поводу?

– Подхалтурила-то?

– Нет, подарок?

– А в гости без подарков ездить не принято, – засмеялась Маргарита. – Тебе понравится, я уверена.

– Еще бы ты не уверена! По-моему, ты меня лучше знаешь, чем я сам.

– Вот именно. Ну, я прощаюсь ненадолго. Как только утрясу все дела-делишки, позвоню и скажу поезд и вагон. Ладненько?

– Ладненько. Целую тебя, Ритка и жду.

– Я тоже, – чуть слышно ответила она.

В трубке раздались гудки отбоя. Илья уставился в стену перед собой и подумал, что Рита, как всегда, попала в самую точку. Он, не терпевший долгих прелюдий в отношениях с женщинами, действительно даже не подумал о том, как будут развиваться его отношения с Дашей. Он думал только о том, чтобы эти отношения продолжались...

Действительно, все когда-то случается впервые.

Глава четвертая. Все когда-то бывает впервые

Так и первый поцелуй с Дашей стал для Ильи откровением. Впервые он целовал девушку не потому, что так было положено по неписаному сценарию или потому, что «так природа захотела». А потому, что прикоснуться губами к этим розовым губкам, постоянно сложенным в чуть насмешливую гримаску, казалось необходимым. Потому что без этого прикосновения жизнь представлялась пресной, безвкусной и вообще лишенной смысла.

«Я не могу жить без тебя», – затасканная фраза приобрела свой первоначальный смысл, причем совершенно необязательно было произносить ее вслух.

Через неделю после знакомства – немыслимый срок для целеустремленного и лишнего сантиментов Ильи – в очередном разговоре наступила пауза-заминка. Даша опустила ресницы, притушила жемчужно-серый свет своих необыкновенных глаз и тем самым дала Илье возможность...

Впрочем, зачем это описывать? Случилось то, что случилось, Он и Она впервые ощутили вкус губ друг друга. В прежние времена именно на этой сцене повесть (роман, рассказ, пьеса – ненужное зачеркнуть) и закончилась бы. Даже выражение такое было «поцелуй в диафрагму», то есть лобзание в финальном кадре фильма, а «диафрагма» – это какой-то специальный киношный термин.

Но теперь все, ну абсолютно все знают, что с первого поцелуя все самое интересное только начинается, ставить точку в этом месте – невозможно, читатель не поймет. Читатель поймет скорее подробное и развернутое описание этого действия, но я, увы, этим жанром не владею. Посему, предлагается считать происшедшее объективным фактом, данным в ощущении, и перейти к дальнейшим событиям.

– Ты выйдешь за меня замуж? – спросил Илья вдруг притихшую Дашу, оторвавшись – с трудом! – от ее губ. – Я никому никогда этого не предлагал. Выйдешь?

Удивительно, но Даша не улыбалась. Хотя улыбка была бы вполне уместной: здоровый парень, без пяти минут мужик, вроде бы подчеркивает свою невинность. Наоборот, прекрасные серые глаза как бы подернулись ледяной пленкой и смотрели не на Илью, а куда-то в пространство. А может быть, и в другое измерение.

Конечно, предложение, сделанное спустя неделю после знакомства, может любую девушку выбить из колеи. Илья ожидал смущения, возмущения, кокетства – чего угодно. Только не этой холодной отрешенности. Но, если честно, он сам не знал, чего ожидал, прежде всего потому, что не ждал от себя самого предложения руки и сердца. Но ведь это была Даша... Дарья Необыкновенная. «Госпожа загадка», как он иной раз ее называл про себя.

– Почему? – наконец спросила она.

– Что – почему? – не понял Илья.

– Почему ты хочешь на мне жениться?

Задать такой вопрос мужчине – значит, поставить перед ним практически неразрешимую задачу. Типа съесть яблоко и не повредить при этом кожуру. Куда проще ответить на вопрос, почему он жениться как раз не хочет. Потому что не готов, не чувствует себя способным взять ответственность, не может соответствовать материально... Да просто потому что.

Но вот объяснить, зачем нужно менять свободу на узы брака, материальную безответственность на необходимость отчитываться в каждом рубле, спокойные дни и ночи на необходимость постоянно находиться рядом со вчера еще посторонним человеком...

На этот вопрос существует только один ответ: потому что. Но такая формулировка характерна скорее для женщин и детей, мужчины же предпочитают сооружать вокруг этого простенького постулата сложные философские конструкции.

– Я хочу жениться на тебе потому, что люблю тебя. И больше всего на свете боюсь потерять. Да, да, штамп в паспорте никого ни к кому никогда не привязывал, но... В общем, я хочу, чтобы мы всегда были вместе. Чтобы у нас были дети. И общая жизнь, а не просто встречи и время от времени – общая постель.

Лицо Даши дрогнуло, взгляд оттаял. Было похоже, что Илья угадал правильный ответ. Но что она боялась услышать, Илья не мог понять, да и не старался, привыкнув к тому, что девушка вообще была ни на кого не похожей ни в чем, в том числе, и в реакциях на слова и события...

– Позволь мне пока не отвечать, – тихо сказала она. – То есть не говорить слова. Но, если ты не против, я сегодня останусь у тебя. А там видно будет. Только... я не девушка. Тебя это не шокирует?

Первоначально Илья лишился дара речи. Не от того, что он это услышал, а от того, что он это вообще услышал. Меньше всего его интересовала девственность Даши, да и вообще он об этой женской отличительной особенности знал, пожалуй, лишь из рассказов приятелей, да из художественной литературы.

Нет, самое большое потрясение для него заключалось в том, что Даша поступила именно так, как он бы поступил – если тут уместна, конечно, такая параллель, – на ее месте. Правда, вся правда и ничего, кроме правды, нужна она собеседнику или он прекрасно может без нее обойтись.

На какой-то момент мелькнула мысль о том, что это – жестоко и жестко проговаривать все слова и расставлять все точки над «и». Но – лишь промелькнула. Потому что рядом была Даша, ее необыкновенные глаза, нежные губы, руки...

Это была их первая совместная ночь. Утром Илья обнаружил, что Даша исчезла, а на подушке лежит записка: «Если хочешь познакомиться с моими родителями, позвони. Если не позвонишь, я пойму. Я люблю тебя».

Действительно, Даша была необыкновенной девушкой. Какой мудрой нужно быть, чтобы в самый ответственный момент абсолютно все козыри отдать своему партнеру, и к тому же проинформировать его о своих чувствах. Да-да, нет-нет, а если что-то не сложилось, то никто не виноват. Извините за внимание, спасибо за беспокойство, простите, что без скандала обошлось.

Правда, будь на месте Даши какая-нибудь другая девушка-женщина, скорее всего, ей пришлось бы понять и простить, ибо еще неделю тому назад Илья и представить себе не мог, что придется идти знакомиться с чьими-то там родителями, и, естественно, попытался бы от этого знакомства уклониться, благо, окончательное решение оставалось за ним. Но любовь действительно делает чудеса, простите великодушно за очередную банальность. Впрочем, куда же без них, без банальностей-то?

Так или иначе, Илья заметался. В редакции его ждали неотложные дела, в том числе, традиционная понедельничная беседа с Владиленом Сергеевичем. В завтрашний номер была поставлена очередная сенсационная статья о банде подростков, полгода державшей в страхе северный район Волжска, которую, как выяснилось, подкармливали местные «авторитеты», не из самых крупных.

На «раскрутку» этой темы Илья потратил три месяца и немерено – нервов. И пустить выстраданную статью на самотек он просто не мог. А вечером, значит, предстоит знакомство с будущими тестем и тещей. Нужно купить цветы. Нужно одеться поприличнее – нельзя же идти в тех джинсах и свитере, из которых он практически не вылезал. Хотя, с другой стороны, ничего такого «приличного» у него не было: можно, конечно, свитер заменить водолазкой, но вроде бы еще не сезон, холодно. Ладно, таким она его приняла и полюбила, пусть таким же принимают и ее родители.

И нужно позвонить Даше, Даше, Даше...

Ее телефон, как всегда, отозвался после первого же сигнала. Было похоже, что девушка ждала его звонка двадцать четыре часа в сутки. Это одновременно раздражало и трогало чуть ли не до слез. Как вообще получилось, что независимая и насмешливая Даша ответила ему взаимностью? Почему предпочла его остальным, судя по всему, небедным поклонникам? На эти вопросы, как и на многие другие ответа не находилось.

– Я приду, Дашенька, – выпалил он в трубку. – Напрасно ты меня не разбудила перед уходом. Мы бы...

– У нас еще все впереди, Илюшенька. Я не хотела рисковать и встретить утром холодный взгляд...

– Как ты могла даже предположить такое!

В ответ раздался характерный Дашин смешок:

– Я реалистка, Илюшенька. Предпочитаю рассчитывать на худшее, а надеяться, наоборот, на лучшее. Уберегаю себя таким образом от лишних синяков и шишек.

– Синяки и шишки? У тебя?! Не представляю себе...

– Ты многого обо мне не представляешь... Поэтому и хочу познакомить тебя с родителями.

– Но ты так и не сказала, согласна ли выйти за меня замуж...

И снова русалочий смех:

– А зачем бы я стала тогда приглашать тебя домой? Смотри только, сам не откажись после этого на мне жениться...

– Что за загадки, Даша, – почти рассердился Илья. – Мне совершенно безразлично, кто твои родители. Жениться я собираюсь на тебе.

– И это правильно, – подытожила Даша. – Тем более, жду тебя. Адрес помнишь?

Еще бы он его не помнил...

Едва Илья вышел на кухню, как встретил скорбно-вопрошающий взгляд Анны Петровны. Та точно подкарауливала появление жильца.

– Проблемы, тетя Аня? – спросил Илья нарочито-весело. – Почему такая вселенская скорбь на лице?

– А ты не знаешь? Даша-то от тебя на рассвете ушла. Это – дело? Я, грешница, думала: приличная девушка из порядочной семьи. А она как все нынешние – только бы в койку к мужику забраться...

– Тетя Аня, во-первых, Даша – моя невеста. Сегодня я иду знакомиться с ее родителями. А во-вторых... Во-вторых, вы слишком уж суровы. Мы любим друг друга, в конце концов...

– Ага! До загса терпелу не хватило. Поженились под ракитовым кустом через неделю после знакомства. У моего сына вот, царствие ему небесное, тоже невеста была. На каждом углу обжимались. А как он ушел в армию, так по рукам пошла. То с одним, то с другим... Тьфу! Не соблюла себя, одним словом. А тоже любовь была... Конечно, ему все отписали про невесту его разлюбезную. Может, поэтому по кривой дорожке-то и пошел. А дождись она его... не согреши они до венца-то...

– Тетя Аня! При чем тут венец? Ну, зарегистрировались бы. Так если девушка легкомысленная, она и после этого гулять будет. А если порядочная, так и без штампа в паспорте ни на кого не глянет...

– Это верно, – пригорюнилась Анна Петровна. – Только очень я расстроилась из-за Даши. И за тебя переживаю. Не получится у вас ничего, если до свадьбы жить затеяли. Сошлись, значит. Не получится. И про любовь мне тут не говори, кто ее видел, эту любовь-то? Я вон со своим тридцать лет прожила душе в душу, царствие ему небесное, а про любовь и слыхом не слыхивала. Ничего, прожили и сына вырастили. Уважение должно быть, вот что я тебе скажу Илюша, ты уж на меня, старуху глупую, не обижайся. Ежели жена мужа уважает, а он ее, тогда все хорошо промеж них будет. А что эта любовь? Грех один...

Илья облегченно рассмеялся.

– Все у нас будет хорошо, тетя Аня. Вот увидите. А про любовь вы напрасно так думаете. Вот встретите кого-нибудь, полюбите – и заживете, как в раю. Вам же шестидесяти нет...

Анна Петровна в ужасе замахала руками:

– Что ты несешь такое, охальник? Кому старуха нужна? Нет уж, доукую одна, судьба такая. Ты лучше ешь, а то с этой твоей любовью на нет сойдешь и так непонятно, в чем у тебя душа держится. На себя не похож, вот те крест святой...

– Что с тобой? – спросил его Владилен Сергеевич, едва Илья переступил порог кабинета главного редактора. – Случилось что?

– Я женюсь! – выпалил Илья и тут же покраснел.

– Рановато, конечно, – рассудительно вздохнул Владилен Сергеевич, – ты, вроде, еще и не нагулялся толком, но дело молодое, понятное. Невеста-то кто? Местная? Или с прежнего места выписал?

– Даша...

– Даша, Маша, Саша... Илья, я тебя не узнаю, где твоя прославленная конкретика? Кто она? Работает, учится? Родители есть?

– Учится в институте на третьем курсе. Мать не работает, отец какой-то госслужащий, не знаю. Сегодня пойду знакомиться, пригласила. И не смотрите на меня так, будто оплакивать соблались. Я всю жизнь мечтал встретить такую девушку.

Владилен Сергеевич снова вздохнул и махнул рукой.

– Всю жизнь? Да, долго, конечно... Ну, работник из тебя сегодня, как я понимаю, никакой. Иди уж, жених, от тебя сейчас все равно толку не будет. Материал твой сам вычитаю, невелик труд, у тебя же все давно сто раз проверено-перепроверено.

– Но, Владилен Сергеевич, это же...

– Иди-иди, не подавай другим дурных примеров, а то, глядя на тебя, все начнут влюбляться, да жениться, а работать кто будет? Понимаю, что очерк серьезный, ну так я ведь не первый день в газете работаю. Думаю, заслужил какое-никакое доверие. Только вот что... Хотя, ладно, иди.

– Что-то не так? Да говорите же, Владилен Сергеевич, раз начали. Я от вас все рано не отстану, знаете же. Что случилось?

– Пока – ничего. Но я вот тут сырыми своими мозгами подумал: а не подставим ли мы с тобой ребятишек-то? Не главарей, конечно, а «шестерок». По твоему очерку их посадить должны... И посадят – тут к гадалке не ходи. А жизнь-то только начинается...

– Предлагаете их по головке гладить? – ошетинился Илья. – На счету этой банды четыре трупа, ограблений никто не считал, два групповых изнасилования, одна девчонка после этого руки на себя наложила. Жалейте деточек, жалейте. Следующий раз они вообще никого в живых не оставят, чтобы, значит, без свидетелей...

– Не гони волну, – устало отмахнулся Владилен Сергеевич. – Я не предлагаю награждать их именными часами за гуманизм. Но через сутки весь город будет знать их по именам.

– Страна должна знать своих героев, – усмехнулся Илья.

– Не ерничай! – вдруг взорвался Владилен Сергеевич. – Ко мне тут приходила мать одного из этих... Сам знаешь: слухами земля полнится. Плакала, переживала, что муж ее, отец этого дурачка, который с бандой связался, не переживет позора, если что. Я обещал посмотреть... Подумать... Теперь вот с тобой советуюсь: может, фамилии все-таки не называть? Все равно они все – в изоляторе, суд будет, определит меру вины каждого. Родителей-то за что?

– Про то, что дети за отцов не отвечают я слышал, – ехидно ответил Илья. – Но вот чтобы родители за детей собственных не отвечали... Впрочем, если хотите, пусть будет по-вашему. Как в армии: вы начальник, я дурак. Как прикажете, господин главный редактор.

– Так вот и прикажу, – снова распалился Владилен Сергеевич. – В общем, очерк я вычитаю сам. В полосу он уже поставлен, можешь не волноваться. И главные «герои» свое получают, миндальничать не буду. Но остальных пацанов давай все-таки пощадим. Не ради них даже, ради их семей. А потом, может, и опомнятся. Отсидят, сколько положено, поймут что-то по жизни... Как тебе такой вариант?

– Не нравится. Но... пусть это будет амнистия, что ли, в честь дня моего сватовства. Хотя и не по совести все это.

– Наверное. Но кроме совести должно быть еще и сострадание. Об этом ты когда-нибудь думал?

– Думал, – ответил Илья, поднимаясь из своего кресла, напротив стола Владилена Сергеевича. – И не только думал, но и сострадал. Девушкам пострадавшим, например. Или семьям тех, кого эти подонки убили. Тем, кого они избили и ограбили. Но сострадать преступникам... Извините, это не ко мне.

– Да уж... Тебя, наверное, даже той самой знаменитой «слезинкой ребенка» не пронять. Той самой, за которую...

Илья, который уже собирался выйти из кабинета, повернулся, будто ужаленный:

– Слезинкой, говорите? Одного ребенка? А я помню, как иногда ночами вся наша спальня ревела. Тридцать пацанов, самому старшему – года четыре, и все в подушки режут. А громко плакать нельзя было, директор наш это не любил, наказывал... Кого на ночь в холодный нужник запирали, кого – на чердак, а самых везучих просто порол. Так вот, плакали тихо. Но нас было много... В общем, непрерывный такой задушенный скулеж стоял. Слезинка ребенка... Да, этим меня не пронять. И родителей, которые проглядели свое чадо, мне тоже не жаль. Лучше бы сдали его в детский дом сразу после рождения. И уже ни за что не отвечали. Легко!

Владилен Сергеевич почувствовал, что задел какую-то глубоко личную струнку в душе своего любимца, и пошел на попятный:

– Хорошо, оставим, как есть. Но только сделай милость, не выноси приговор до суда. Смягчи там некоторые пассажи, посвети этому часок. А потом – свободен. Договорились?

– Договорились, – неожиданно покладисто согласился Илья. – Вот тут вы правы: мое личное мнение тут значения не имеет и определять меру вины может только суд. Так что наиболее резкие эпитеты я уберу... Нет, я вообще от своих характеристик воздержусь, так будет даже убедительнее. Пусть читатель делает свои выводы. Вы правы, Владилен Сергеевич.

Главный редактор даже растерялся от такой неожиданной покладистости, но быстро взял себя в руки.

– Вот и хорошо. Значит, поработай часок, принеси мне гранки – и свободен. Не забудь сказать, когда свадьба.

– О чем разговор? Считайте, что вы уже приглашены.

С неожиданно легким сердцем Илья вышел из кабинета Владилена Сергеевича и направился в собственную комнатку, тесную и темноватую, но зато – отдельную. Там он быстро и – что греха таить – механически прочитывал полосы, убирая наиболее резкие пассажи, а думал при этом совершенно о другом.

Нужно купить цветы, он же идет к своей невесте. А может быть, не цветы, а один цветок. Роскошную красную розу. Даша поймет...

Цветок, конечно, обязательно, а вот колечко... Не рано ли? Может, ее родители возражать будут, хорош он будет с каким-нибудь ювелирным изделием. Да и вообще он ей ничего еще не дарил. Не успел, да и денег особых нет.

Купить колечко на обручение? Ага, в уличном киоске, на дорожное-то откуда деньги? А если ничего не выйдет, как он будет выглядеть с этим колечком? Нет, уж лучше не иску-

шать судьбу, потом, все будет в свое время. Он обязательно найдет денег на кольцо для Даши. С жемчужиной – такого же цвета, как ее глаза.

Ага, а на какие деньги тогда покупать обручальные кольца? Господи, о какой ерунде он думает! Ну, возьмет ссуду в редакции, все так делают. Одолжит у друзей-знакомых. Алена с Алексеем давно предлагали займы и бессрочно... Господи, а если он не понравится Дашиным родителям? При чем тут тогда друзья, деньги и все прочее? Да и как он вообще будет дальше жить, если Даша не станет его женой?

Илья затряс головой и одернул сам себя. Что за истерика, в самом деле? Мысли точно по замкнутому кругу ходят: дашины родители – кольцо – деньги – дашины родители. Как он будет жить? Нормально. Даша – не единственная девушка на свете. Умная – да, но и Рита, в конце концов, тоже очень даже умная. Для женщины, естественно. Откажет Даша – можно жениться на Рите...

Господи, какая чушь лезет в голову! Может, на Алексея жениться – тоже хороший друг, отзывчивый, понимающий, щедрый. Какая из Ритки жена – со смеху слохнуть можно! Да она же первая его на смех подымет: совсем, мол, Астраханский, заработался... Заработался, как же. Двадцать минут сидит, уставившись на гранки, и ничего перед собой не видит, только Дашины глаза мерещатся.

Илья решительно тряхнул головой, отгоняя докучные мысли, и взялся за правку всерьез. Через час сдал листы Владилену Сергеевичу и помчался сначала за цветами, а потом домой. Анна Петровна, испытывавшая страшную неловкость из-за своего утреннего наскока на обожаемого Илюшеньку, несмотря на протесты квартиранта, до блеска отчистила его единственные выходные ботинки. И, наконец, с таинственно-торжественным видом вынесла из комнаты какой-то флакон:

– Вот, Илюшенька, не побрезгуй... Покупала для сына в подарок, да так и не пришлось отдать. А одеколон хороший, дорогой, мне продавщица помогла выбрать. Сказала – элегантный запах, уж что это значит, не знаю. Попробуй...

Илья взял в руки флакон и невольно присвистнул. «Элегантный запах» принадлежал мужской туалетной воде «Кензо». Н-да, продавщица, конечно, постаралась: такой флакон стоил чуть ли не всю пенсию Анны Петровны...

– Это очень дорогой одеколон, тетя Аня, – сказал он, – я не могу его взять. Давайте, помогу продать, деньги-то сумасшедшие.

– И не думай! – замахала она руками. – Это подарок. На счастье, так сказать. Для сына покупала, продавать не стану. Возьми, не обижай старуху.

Илья, искренне растроганный, приложился к щеке Анны Петровны. Это был первый такой подарок в его жизни. До этого ему подарки делала только Рита – на день рождения, на Новый Год. Он тоже что-то дарил ей, но все это были пустяки, мелочи, просто знак внимания. А это...

И тут Илье вспомнился забавный эпизод из его жизни. Еще в Ростове познакомился он с одной девушкой, милой, скромной, даже излишне застенчивой. Познакомился совершенно случайно, делая снимки для своего репортажа о городских буднях. Девушка же сидела на скамейке в сквере и аппетитно ела мороженное. Илья сделал несколько снимков, уж очень симпатичной оказалась модель. Та заметила фотографа, смутилась, но потом освоилась, разговорилась и даже попросила сделать для нее фотокарточки. Илья записал телефон Иры – рабочий – и через несколько дней позвонил и предложил встретиться: получить фотографии.

Встретились в том же сквере и примерно в то же время, что и в первый раз. Оказалось, что у Иры – обеденный перерыв, а работает она в банке неподалеку. Фотографии ей понравились, а после десятиминутного разговора ни о чем она вдруг выпалила:

– Илья, у меня послезавтра день рождения, я вас приглашаю в ресторан.

Илья оторопел. Ирина же его замешательство расценила по-своему и поторопилась объяснить.

– Я справляю день рождения в ресторане. Будут мои подруги... Я сама за все заплачу, вы не думайте...

– Да я и не думаю, Ирочка, – мягко ответил Илья, – просто послезавтра я занят. Простите. Может быть, в другой раз...

Он хотел – и вполне искренне – сказать, что может быть в другой раз он ее куда-нибудь пригласит, девушка ему почти нравилась, но Ирина его опередила:

– Хорошо, в другой раз. Позвоните мне и назначьте время и место. По вашему выбору. Я заплачу. Я очень хорошо зарабатываю в банке. Мы можем даже поехать куда-нибудь отдохнуть... Денег у меня хватит...

Каким-то чудом Илье тогда удалось выкрутиться из щекотливой ситуации, даже не слишком обидев девушку. Но впоследствии он ее нет-нет, да и вспоминал и каждый раз удивлялся: неужели она не понимает, что таким поведением приличного человека можно только отпугнуть, и что она, скорее всего, станет жертвой какого-нибудь альфонса, который оберет ее до нитки и сделает ручкой? Рита, когда он ей все это рассказал, тоже пожала плечами и недоуменно сказала:

– Не понимаю... Если бы она была пожилая и некрасивая... Но ты говоришь, все как раз наоборот. Нет, не понимаю.

Вот и опять вспомнилась ему эта Ирочка. Хорошо бы она встретила приличного человека и устроила свою жизнь. В этот день Илье хотелось, чтобы все вокруг были счастливы или – хотя бы! – не слишком несчастны.

Илья взглянул на часы и охнул: до назначенного часа оставалось всего ничего! Он бросил последний беглый взгляд в зеркало и ринулся к двери. Не заметил, как Анна Петровна украдкой перекрестила его, а потом вытерла глаза: кажется, впервые в жизни она заплакала от счастья. Или – не от счастья, а просто от неожиданного для нее наплыва чувств? Вот ведь жизнь как людьми крутит: думала, все слезы уже выплакала, когда сына похоронила, а они – вот они, бегут по щекам. Значит, и душа еще жива, не иссохла. И жизнь продолжается...

Глава пятая. Дети за отцов не отвечают

В первый раз Илья переступил порог того подъезда, до которого всегда провожал Дашу. И за массивной двухстворчатой дверью обнаружил вполне современный холл с живыми растениями в кадках, ковром на безупречно-чистом полу и охранником в особой стеклянной выгородке с деревянными панелями. Обнаружил – и опешил, настолько в его представлении не сочеталась Даша с этим великолепием.

– Вы к кому? – равнодушно осведомился охранник.

– К Петровым, – быстро справившись с собой так же равнодушно ответил Илья. – Меня пригласили.

– Фамилия?

– Моя? – снова растерялся Илья.

– Моя мне известна, – с легким раздражением отозвался страж.

– Астраханский.

Охранник кивнул и показал влево, на дверцу лифта:

– Четвертый этаж.

На четвертом этаже была только одна квартира. И, едва переступив ее порог, Илья понял, что все его мечты о простом и даже трудном счастье с Дашей – утопия чистой воды, что девушка, живущая в **такой** обстановке не сможет приспособиться к обычным условиям, делить с ним угол в крохотной квартирке, хозяйничать в обшарпанной кухоньке, ездить в автобусе.

Он и не подозревал о том, что в четырех кварталах от его жилища есть дом с квартирами, точно сошедшими с рекламного проспекта или с экрана телевизора, где показывают сцены из жизни миллионеров. Холл с колоннами, двумя абсолютно настоящими пальмами, с люстрой, способной украсить иной дворец культуры. Ему самому и всем его знакомым понадобилось бы работать лет пятьдесят без перерыва и при этом не есть и не пить, чтобы приобрести такую обстановку, такие ковры на полу и такие картины на стенах.

Даже то, что тут была Даша, явно обрадованная его приходом, никак не могло вывести его из состояния некоторого внутреннего ступора. Он думал о том, что придет в стандартную, скорее всего, трехкомнатную квартиру, с одной проходной комнатой и изолированной восьмиметровой клетушкой. Что из кухни выглянет Дашина мать в переднике и косынке с руками по локоть в муке, и засмущается, что еще не все готово. Что Даша поведет его в самую большую комнату – «залу», знакомиться с отцом, который сидит в кресле перед телевизором и читает газету. Короче говоря, Илья шел в обычный, привычный для него мир. А пришел – точно в иное измерение.

А когда Даша втянула его в неизвестно какую по счету комнату и радостно, хотя и с некоторой нервозностью сказала: «Познакомься с моим отцом», Илья застыл на месте, не в силах ни пошевелиться, ни произнести хотя бы слово. С человеком, шедшим ему навстречу через большой и, мягко говоря, роскошный кабинет, он за год работы в Волжске неоднократно встречался и еще чаще видел его фотографии в газете или «живьем» в местной телепрограмме. Отцом Даши был Иван Николаевич Петров, мэр города...

– Да вы не переживайте, молодой человек, – рокотал Иван Николаевич, усаживая Илью в необъятное кресло и пододвигая к нему бокал с каким-то напитком. – Это в мэрии я хозяин, а тут так, муж и отец, причем женщины мои мною вертят, как хотят. Не шучу! Чувствую, Дарья не предупредила... Ну, перец-девка, ну, артистка! Хотела, значит, чтобы сюрприз. А мне чо, я без претензий. Главное, чтобы ты ее любил, а не мое кресло. Правильно? Да ты выпей, выпей, мы тут по-простому, без цирлих-манирлих всяких. Оно и хорошо, что не знал, а то мы с матерью все боимся... Ну да ладно! За знакомство!

Илья залпом выпил, не почувствовав никакого вкуса. Слова Ивана Николаевича «а то мы с матерью все боимся» эхом отдавались у него в ушах. Чего ни бояться? Чего может опасаться фактически полновластный хозяин города, если верить злым языкам – чуть ли не «крестный отец» местной мафии? Он растерянно посмотрел на Дашу. Та сидела рядом, уставившись себе под ноги, и, казалось, так и не произнесет ни одного слова. То ли боялась его первой реакции на новости, то ли решила предоставить событиям идти своим чередом.

Не пошевелилась она даже тогда, когда в кабинет вплыла женщина неопределенных лет, увешанная таким количеством ювелирных украшений, которых хватило бы на десяток элегантных дам. И не просто элегантных, а еще и очень, очень богатых.

– А вот и мамука, – обрадовался Иван Николаевич. – Знакомься, мамука, это тот самый Илья, который нашу Дарью присушил. Вон какой добрый молодец!

«Мамука» протянула Илье ухоженную, но какую-то вялую руку, отягощенную многочисленными перстнями и кольцами, и проронила:

– Лидия Захаровна, очень приятно. Много о вас слышала... от общих знакомых.

Какие общие знакомые у них могли быть? У него, вчерашнего детдомовца, и этой женщины, явно старавшейся произвести впечатление великосветской дамы, которой, по какому-то необъяснимому недоразумению приходится принимать у себя кухаркиного сына. Илья лихо-радочно искал какие-то приличествующие случаю слова, а Иван Николаевич снова наполнил бокалы, не забыв на сей раз и про Дашу, и, естественно, про супругу.

– Ну, по второй, по второй. Первая-то колом, а вторая – соколом. Потом поедем, что бог послал...

После второй порции Илья почувствовал, что снова может дышать и даже вроде бы говорить. Но вот о чем – не представлял себе. Сказать: «Уважаемые Иван Николаевич и Лидия Захаровна, мы с Дашей любим друг друга, хотим пожениться...» Они это, похоже, уже знают. Попросить благословения? Чушь какая-то!

Да и что же получается: скромная, непритязательная Даша – дочка первого человека в городе? Да кто же поверит, что он собирается жениться по любви? Он, Илья Архангельский, правдоискатель и борец за справедливость? Кто ему после этого вообще хоть в чем-то поверит?

– Почему ты не сказала? – повернулся он к Даше, по-прежнему изучавшей сложный рисунок на ковре.

Та пожала узенькими плечиками.

– О чем? О папе? Так ты, вроде, за мной ухаживал. И потом, знаешь, я в первый раз была уверена... ну, почти уверена в том, что любят именно меня, Дашу, а не Дарью Ивановну, дочку Самого.

Лидия Захаровна властно хлопнула в ладоши:

– За стол! Давно накрыт, все готово, успеете отношения выяснить. Папука, vedi гостя к столу. Дашенька, приглашай. Человек в первый раз в доме, а вы его голодом морите.

Стол соответствовал всему остальному в квартире, поэтому в Илье вполне закономерно пробудился вечно голодный детдомовский мальчишка и он, махнув рукой на моральные аспекты возникшей проблемы, отдал должное всему, что предлагали хлебосольные хозяева, не слишком заботясь о том, чтобы правильно пользоваться многочисленными ножами, вилками и вилочками, положенными возле его тарелки. Иван Николаевич откровенно любовался Ильей и даже подмороженная Лидия Захаровна стала улыбаться почти по-человечески:

– Ну, молодец, – приговаривал хозяин, – ну, Илья, значит, Муромец. Любо-дорого посмотреть, теперь-то все либо вилкой в тарелке ковыряют, либо вообще отказываются. Страдают, понимаешь, отсутствием аппетита на пищу. А по-моему – зажрались. Раньше-то работника как нанимали: сажали за стол и смотрели, как ест. Если вроде тебя – годится, и работать так же будет. Одобряю, дочка, не ошиблась. Настоящий мужик.

– Да будет тебе, папука, – жеманно процедила Лидия Захаровна. – Работник, мужик, Илья о нас бог знает что подумает. А вы кушайте, кушайте, не стесняйтесь и на супруга моего внимания не обращайтесь, это он Ваньку валяет, на публику работает, рабоче-крестьянское происхождение подчеркивает, будто не знает, что это теперь не модно.

Даша по-прежнему молчала, но, казалось, забавлялась сложившейся ситуацией. Илья, наконец, взял себя в руки и, отодвинув очередную тарелку, сказал:

– Большое спасибо, было очень вкусно, никогда так не ел. Но я ведь не за этим пришел. Даша сказала вам о нашем решении? Думаю, что сказала. Так вот, мне бы хотелось услышать ваше мнение на этот счет. Причем откровенное, поскольку я думаю, для вас не бог весть какой радостью было услышать, что дочка выбрала в женихи человека без кола без двора, да еще живущего на одну зарплату. А менять в своей жизни я, честно скажу, ничего не собираюсь...

– Да бог с тобой, парень, – все так же по-простецки сказал Иван Николаевич, – Дарья у нас не принцесса и мы не короли. Полюбили друг друга, хотите жениться – дело ваше, мы с мамукой благословим и свадьбу вам справим, как у людей положено. Ты-то, я слышал, сирота круглый, значит, тем более – наши заботы о празднике-то. А жить вам, не нам. Квартира Дашке давно куплена, приданое ее, стало быть, а ты мужик, работай, корми жену. Покупать тебя я не собираюсь, да ты и не продаешься. Скажу больше, крутились тут возле Дарьи многие, один вроде бы серьезно. Отец у него – первый банкир в нашем городе, мы с ним друг друга много лет знаем, как облупленных. Деньги, сам понимаешь, водятся, поболее, чем у меня. Только Дарья все сомневалась, время тянула. А сейчас вот тебя встретила и сама о свадьбе заговорила.

Илья посмотрел на Дашу и та впервые за весь вечер подняла глаза. Знакомый и любимый серый свет окатил Илью и он забыл все разумные доводы, сомнения, принципы. Видел только любимые глаза и понимал, что без них ему уже не жить... И тут вмешалась Лидия Захаровна, мамука:

– Квартира квартирой, но, думаю, на первых порах вам лучше с нами пожить. Дашенька учится, почти целый день в институте пропадает, а кто же готовить будет? Да и не умеет она... Пусть посмотрит, поучиться. У нас домработница приходящая, поживете по-человечески...

Илья опешил. Еще неделю тому назад он вообще ни о какой женитьбе не помышлял, а тут – здравствуйте вам! Через пару месяцев у него будет не только жена, но и тесть с тещей. Общаться с ними каждый день... Каждый день садиться вот за такой стол – вряд ли они только для будущего зятя так расстарались, наверняка всегда едят не хуже. А на какие, спрашивается, шиши? Его зарплаты с гонорарами на пару-тройку их обычных завтраков хватит. А одеваться? А все остальные необходимые расходы?

Даша почувствовала его настроение и решительно встала из-за стола:

– Мамочка, не пугай Илюшу. Не все сразу. А сейчас пойдем ко мне, я хочу показать тебе мою комнату. Ты же не знаешь, как я там все уютно устроила...

Илья несколько раз во время телефонных разговоров с Дашей пытался представить себе эту самую комнату, но теперь должен был признаться, что воображение его подвело. Ему почему-то казалось, что Даша живет в самой маленькой, изолированной комнатке, метров восемь-девять, в которой помещается только кровать или тахта, письменный стол со стулом и комод. То есть примерно такая комната, в которой он сам сейчас жил, только уютнее, украшенная всякими милыми пустячками девичья светелка. И опять воображение его подвело, просто потому, что вообразить такое он не мог.

«Девичья» размерами не уступала всей квартирке Анны Петровны. Вместо окна – чуть ли не трехметровый эркер, в котором разместился и диванчик, и пара мягких кресел, и изящный журнальный столик. Стены уставлены стеллажами с книгами, компакт-дисками, видеокассетами, в эти же стеллажи вмонтирован огромный телевизор с видеомagneитофоном, роскошный звуковой центр. Широкая тахта покрыта ковром, свисающим со стены. Еще один мягкий гарнитур с журнальным столиком... И все равно свободного места полно, хоть танцы устраивай.

– А здесь моя ванная комната, – просто сказала Даша и легким движением руки отвела в сторону то, что Илья принял за обычное зеркало в рост человека. – Видишь, у нас может быть почти отдельная квартира, с предками можно будет только в столовой встречаться. А можно и не встречаться, поест и сюда принесут.

Илью неприятно резануло словечко «предки» – до этого Даша никогда не употребляла жаргонных выражений. Но ванная комната поразила его так, что он забыл даже поморщиться. Пару раз он такое видел – в кино, в фильмах из жизни американских миллионеров. Но в реальной жизни...

Назначение половины предметов он себе даже не представлял. Яркий кафель, мраморный пол, чуть ли не золотые краны и трубы. Утопленная в пол ванная размером с небольшой бассейн, затейливой формы раковина, вмонтированная в зеркальный шкафчик. И... два унитаза. Тут он окончательно перестал что бы то ни было понимать и только переводил изумленный взгляд с них на Дашу. Та, наконец, поняла, в чем дело, и звонко расхохоталась:

– Илюша, ты что, – давась от смеха произнесла она, – никогда биде не видел?

– Я даже слова такого не знаю, – холодно ответил Илья. – Боюсь, что ты ошиблась, я тебе не подойду. Как говорили в старинных романах: я тебе не пара.

Веселость Даши мгновенно испарилась, она кошачьим, гибким движением взяла Илью под руку и повела обратно в комнату.

– Илюша, милый, не сердись на меня, я не подумала... Ну что же делать, если я выросла в такой обстановке? Ну, родной мой, ну, прости меня, пожалуйста. Я и не думала над тобой насмеяться. Ну, дура, дура, избалованная дура. Но ведь все эти вещи сделаны для того, чтобы ими пользовались. У твоей хозяйки санузел просто стерильный, хоть с пола ешь. Но ведь там повернуться невозможно...

– Твоя собственная квартира тоже такая роскошная? – мрачно осведомился Илья. – Или все-таки попроще? Я вообще-то думал, что мы будем жить у меня, то есть у тети Ани. Она, кстати, сама предложила...

– Ну, если ты так хочешь... Только давай сначала попробуем здесь. Мама права, я еще ничего по хозяйству не умею. И учеба... Ну, Илюша, милый, ну давай попробуем, а? Вдруг тебе понравится, ты привыкнешь. А в моей квартире ничего такого особенного нет, даже мебель еще не покупали. Обычный ремонт сделали...

– Обычный – значит этот самый «евроремонт»? Так?

– Илюшенька, но я-то в чем виновата? – взмолилась Даша. – Я даже и не просила ничего, мне и тут неплохо, а они сделали мне подарок на восемнадцатилетие... Я не понимаю...

Она обнимала его, умоляюще заглядывала в глаза. Запах ее духов, уже хорошо знакомый, кружил ему голову. Какая квартира, какие родители? Все это мгновенно отодвинулось куда-то на тридцать девятый план. Была только Даша, ее руки, ее губы... Чудовищным усилием воли он отстранился и хрипло сказал:

– Дашенька, ты сошла с ума. Не дразни меня, я живой человек.

– Я и не дразню, – тихо ответила она.

– А если войдут твои родители?

– Не войдут, они у меня тактичные. Да мы же ничего такого не делаем, только целуемся. Мы же теперь жених и невеста, да? Жених и невеста?

– Конечно, да. Только...

Даша властным движением руки зажала ему рот.

– Никаких «только». Все будет так, как ты скажешь. Несколько недель проживем здесь – после свадебного путешествия, конечно, а потом – как скажешь. Хочешь жить у Анны Петровны, будем жить там. согласишься жить в моей квартире – еще лучше. Только не будем ссориться из-за такой ерунды. Говорят же, что с милым рай и в шалаше...

– Много чего говорят, – уже спокойнее улыбнулся Илья, сев в удобнейшее кресло на безопасном расстоянии от своей слишком соблазнительной нареченной. – К этой поговорке в последнее время, кстати, добавляют: «если милый – атташе». Но я не атташе, а ты же совсем не знаешь жизни, Дашенька. Тебе будет очень трудно, ты не привыкла. Да и я не вправе лишать тебя привычного комфорта и обрекать на полунищенское существование.

Даша хотела сказать, что с деньгами проблем не будет, родители помогут, но вовремя прикусила язык. Достаточно того, что все чуть было не рухнуло из-за квартиры. Она как-то не отдавала себе отчета в том, каким потрясением будет для Ильи обычное, с ее точки зрения, жилье.

Конечно, когда она была маленькой, родители жили скромнее, достаток было не принято выставлять уж очень напоказ, но и тогда ее отец – директор крупнейшего в области завода – практически ничего не покупал в магазинах, а все получал с каких-то складов по достаточно умеренной цене. Мебель в доме всегда была импортной, ремонт делали по высшему классу, ну и так далее. Конечно, у нее не было собственной ванной, да и комната была куда меньше и скромнее, так это когда было?

У всех ее приятелей и приятельниц такие же квартиры, а то и получше. Собственные дома – не их, конечно, а родителей. У Максима, бывшего ее пламенного поклонника и без пяти минут жениха, с которым она неделю назад возвращалась с какой-то вечеринки, помимо немалых апартаментов в особняке родителей, имеется собственная лошадь для верховой езды и конюшня, соответственно. В их кругу никого ничем невозможно было удивить. Но Илья, конечно, совсем другое дело...

– Все образуется, Илюшенька, – ласково сказала она. – Я научусь готовить и все такое. А ты станешь самым известным журналистом в стране, начнешь ездить в командировки за границу, ну и по стране, конечно, будешь выступать по радио, по телевизору... И у нас все будет свое, заработанное. Я же после института тоже работать пойду.

Примерно такую речь она произнесла полчаса спустя, когда ее родители позвали «молодых» пить чай. Иван Николаевич поддакивал и похохатывал, но Лидию Захаровну такая перспектива явно не вдохновила:

– В нашей семье женщины никогда не работали, – произнесла она, поджав губы. – Ни моя мама, Дашенькина бабушка, ни я. Женское дело – обеспечивать уют в доме, да детей воспитывать.

– Меня бабушка воспитывала! – фыркнула Даша. – Вы с отцом тогда на Севере были.

– Правильно. Не могла же я тебя тащить в этот жуткий климат. А как только папука получил назначение в Волжск, так мы сразу тебя к себе забрали, да и мама последние годы не одна прожила, заботились о ней, как о королеве. Впрочем, дело ваше. Надеюсь, Илья, вы не будете возражать против того, чтобы свадьбу мы справили по всем правилам? Дочка у нас одна...

– По всем правилам? – ошарашенно переспросил Илья. – Простите, Лидия Захаровна, я в этих делах не специалист. Конечно, делайте, как вы считаете нужным. Если от меня что-то требуется... То есть, конечно, требуется, только я не знаю...

– Да ничего от тебя не требуется! – вмешался Иван Николаевич. – Подаришь Дашке колечко, всего и делов-то. Я тебе подскажу, где подешевле купить. Не хмурься, я знаю, что деньги ты не печатаешь. Потому и забочусь. На свадьбу, как я понимаю, тебе звать почитай некого?

– Почему же некого? – слегка обиделся Илья. – Анна Петровна, хозяйка моя, раз. Алексей с Аленой, друзья два. Рита – три...

– Кто такая Рита? – заинтересовалась Лидия Захаровна.

– Рита – это мой друг. Еще по Ростову.

– Девушка – друг?

– Да ну тебя, мама, – капризно протянула Даша, – друг, конечно. Мне Илюша все-все про нее рассказал. Не дергайся.

Лидия Захаровна сохранила на лице скептическое выражение, но развивать тему не стала. Инициативу вновь перехватил Иван Николаевич.

– Так. А еще кто?

– Еще Владилен Сергеевич, мой шеф. Вот, пять человек получается.

– Н-да. Негусто. Ну да не беда, с Дашенькиной стороны меньше ста человек не получится.

– Сколько-сколько? – переспросил Илья, не веря своим ушам.

– Не меньше ста, – с видимым удовольствием повторил Иван Николаевич. – А может, и больше. Не волнуйся, парень, все за наш счет. Да и ежели бы ты миллионером был, все равно свадьбу родители невесты устраивают, так уж на Руси испокон веков заведено было. А предки наши не дурее нас с тобой были.

– Платье нужно в ателье заказывать, – мечтательно произнесла Лидия Захаровна. – И фату тоже. Вы венчаться будете?

Илья беспомощно посмотрел на Дашу. О венчании он даже и не думал, он и саму регистрацию-то в загсе представлял себе достаточно смутно, поскольку ни разу не видел воочию. Так уж жизнь сложилась.

– Будем, будем, – пришла ему на помощь Даша. – Это так красиво... И потом – ведь на всю жизнь. Правда, Илюша, мы же на всю жизнь?

В ее голосе впервые за все время их знакомства – правда, очень недолгого, – явственно прозвучали какие-то детские нотки, совершенно не вязавшиеся с прекрасным голосом зрелой женщины. Это было одновременно и раздражающе, и трогательно. Как, впрочем, и многое в Даше.

– Ну, конечно, на всю жизнь, – улыбнулся ей Илья. – Можешь не сомневаться. Просто я в этих вопросах новичок.

Даша просияла и захлопала в ладоши. Еще один жест манерного ребенка. Прежняя скромно-насмешливая, уверенная в себе, почти зрелая женщина словно куда-то подевалась. Как будто Даша стала играть совсем другую роль. Только глаза остались прежними – прекрасные, жемчужно-серые глаза с длинными пушистыми ресницами. И одного их взгляда по-прежнему было достаточно, чтобы Илья позабыл все свои недоумения, сомнения, тревоги и почувствовал себя совершенно счастливым...

«А с родителями разберемся, – думал Илья, возвращаясь поздно вечером домой уже официальным женихом. – Ну, будем жить в квартире, которую они Даше купили, подумаешь, большая беда! На жизнь я сам заработаю и всего добьюсь, а когда в Москву переедем, то и жилье я обеспечу. Главное, она меня любит. И не виновата же, в конце концов, в том, что ее отец – мэр. И так, бедная, молчала до последнего, боялась, что я сбегу. Правильно, между прочим, боялась, мог и сбежать. А с родителями разберемся, в примаки к ним я не пойду и ладно».

Счастливый, как никогда в жизни, он тем не менее не мог отделаться от смутного чувства какого-то беспокойства. Слишком уж радужная и идиллическая картина получалась, а он, не очень-то избалованный жизнью, в идиллии не верил. Точнее, их боялся. Но отмахивался от беспокойства, загонял его в самый дальний угол сознания, уговаривал сам себя, что все прекрасно и удивительно, что чудеса, черт возьми, случаются не только в сказках, и что Даша его любит.

А все остальное – ерунда. Перемелется, мука будет.

Глава шестая. Девочка по имени «хочу»

Илья не был бы так безмятежно спокоен, если бы мог хоть на секунду заглянуть в душу своей невесты. Или если бы мог знать **как** на самом деле жила Даша до тех пор, пока... Впрочем, лучше все по порядку.

Сказать о том, что Даша выросла избалованной девочкой – значит, ничего не сказать. Отказа она не то, чтобы не знала – не понимала, зато прекрасно, чуть ли не с трехлетнего возраста знала, что все можно **достать**, а, став постарше, отлично усвоила, что для безмятежной жизни нужны только деньги. Причем чем больше денег, тем лучше, а чем меньше распространяться об их наличии – тем умнее.

В начальной школе Даша практически ничем не выделялась из своих сверстников: школа была «специальная», учился в ней тщательно отобранный контингент детей местной элиты, да и времена были такие, что особо ничем не похвастаешься, если не хочешь неприятностей родителям. Да и родители Даши тогда жили на Севере, девочку воспитывала бабушка, по-старинке: пирожки, шоколадки, накрахмаленные кружевные воротнички, безупречно заплетенные косы.

Два раза в неделю приходила преподавательница французского языка, два раза в неделю – учительница музыки. Гувернантки тогда еще не возникли из небытия, куда их отправила революция и прочие последующие события, но бабушка еще не забыла, чему ее самую учили в Институте благородных девиц и усиленно передавала свои знания Даше.

Так что когда родители вернулись, чтобы забрать дочку с собой в Волжск, их встретил очаровательный подросток с прекрасными манерами, неплохо музицирующий, и способной сносно объясняться аж на двух языках, поскольку в школе традиционно преподавали английский. На фоне разболтанных, неряшливых и не слишком тянущихся к знаниям сверстников девочка выглядела экзотическим цветком, который следовало холить и лелеять.

О том, чтобы отправить такое сокровище одну-единешеньку учиться в столичном вузе и речи не было. И хотя бабушка очень скоро после переезда к дочери с зятем умерла, Лидия Захаровна утверждала, что «мама в гробу перевернется», если девочку послать в эту жуткую столицу, где на каждом углу – криминал и разврат.

Да и какая разница, где и какие «корочки» получит Даша. Женщины в их семье, действительно, никогда не работали, так что Даша подала документы в местный Иняз и поступила в него практически без конкурса, во-первых, потому, что действительно прекрасно сдала экзамены, а во-вторых, потому, что ее отец медленно, но верно становился одной из самых влиятельных фигур в городе. А через год после того, как Даша поступила в институт, его чуть ли не единогласно избрали мэром. Вот тут-то Даша и поняла, что такое – неограниченные возможности.

Впрочем, к этому времени она уже многое понимала, но, опять же в отличие от своих сверстников, понимала правильно. В их компании, так называемой «золотой молодежи» города, нравы были довольно свободные, так что ко второму курсу Даша успела попробовать спиртное, наркотики и так называемую «свободную любовь». Потери девственности она в этом угаре просто не заметила, так что потом даже вспомнить не могла, кто был ее первым мужчиной. Самое удивительное заключалось в том, что родители так ничего и не поняли, считая, что их девочка добросовестно учится и проводит время в компании весьма и весьма добропорядочных людей, то есть людей своего круга.

Даше в какой-то момент сильно повезло: она простудилась и не смогла отправиться на вечеринку, которую предполагалось сделать «суперкрутой». Результатом этой вечеринки было то, что компания молодых людей решила, что катание в автомобиле «под балдой» – это как раз то, что им теперь нужно. В результате машина вылетела на тротуар и врезалась в автобусную остановку. Водитель – сын известного в городе модельера – погиб на месте, остальные

отделались разными травмами, но на остановке были люди – и трое из них оказались под колесами невесты откуда появившейся машины. Виновник гибели этих троих суду уже не подлежал.

Даша же, узнав о подробностях «суперкрутой» вечеринки, пришла в ужас. Такой «красивой жизни» она не желала ни в каком виде. К тому же компания в автомобиле оказалась не только пьяной, но и обкуренной или обколотой какой-то дрянью, что было уже совсем – из ряда вон. Первым делом Даша спустила в унитаз свой небольшой «НЗ» наркотиков, и когда мать спросила, не пробовала ли и дочка такую дрянь, ответила с широко распахнутыми и абсолютно невинными серыми глазами:

– И пробовать не собираюсь. В нашем доме ничего такого просто быть не может.

В чем-чем, а в силе воли Даше отказать было нельзя. Мучительный период ломки она перетерпела самостоятельно, маскируя свое состояние под осложнение после простуды. И сама себе дала слово, что больше никто и никогда не сможет склонить ее к употреблению «наркоты». Правда, начала курить, но уж на это родители посмотрели сквозь пальцы: сейчас вся молодежь курит, ничего страшного.

Надо сказать, что трагедия оказала положительное влияние не только на Дашу. Вся их компания как-то резко повзрослела, кто-то сумел сам отказаться от вредной привычки, кому-то пришлось несколько недель пробыть в закрытой и очень дорогой клинике, кого-то родители просто услали учиться в другой город – от старых соблазнов подальше. В общем, когда компания снова собралась, это были уже совершенно другие люди, с другими жизненными целями и установками.

Да и жизнь вокруг стремительно менялась. Если раньше основной проблемой было что-то «достать» (а сделать это можно было только по хорошему благу), то теперь достаточно было только иметь соответствующую сумму денег. Даша и ее приятели прекрасно знали, откуда так внезапно взялись крупные капиталы у их родителей. Знали – но благоразумно помалкивали. Знали теперь и о том, что вседозволенность – это не веселая игра, и что алкоголь и наркотики – отнюдь не символ красивой жизни, а просто ловушка для дураков. Дураками же они себя не считали, а кое-кто считал себя даже умным. К последним, кстати, относилась и Даша.

Иметь любовников в своем кругу казалось ей еще одной глупостью. Ну, что хорошего в том, если все твои друзья-приятели знают все твою подноготную в полном смысле этого слова? Ничего хорошего, только неловкость в отношениях или чрезмерная близость, к которой Даша вовсе не стремилась.

Физическую любовь она уже попробовала, особого удовольствия не получила и искренне не понимала, почему вокруг этого поднимают такой тарарам. Надо было уже подумать о хорошей партии, о таком браке, который сделал бы ее жизнь такой же приятной и беззаботной, как в родительском доме. Ничто другое ее не устраивало.

Конечно, можно было выйти замуж за Максима – отец банкир, особняк на окраине города – просто фантастический замок, даже конюшня с породистыми лошадьми имеется. Сам Максим, кстати, несколько раз как бы в шутку намекал, что если соединить возможности отца Даши с капиталами его собственного родителя, может получиться очень даже удачный альянс. Такой современный, красивый династический брак. Лидия Захаровна, Дашина мать, примерно о таком муже для дочери и мечтала. Беда была только в том, что в обществе Максима Даше становилось скучно через полчаса.

Даже когда он как-то сумел уговорить ее попробовать, подходят ли они друг другу физически, ничего хорошего не вышло. Максим старался изо всех сил, а Даша глядела то на потолок, то на подушки (в зависимости от позы) и с некоторой тоской думала о том, когда же это, наконец, закончится. Сам же Максим был от эксперимента в полном восторге, поскольку по ряду признаков заключил, что он у Даши – первый мужчина. А первый раз женщины обычно ничего такого и не испытывают – теперь это даже учащимся младших классов известно.

– Ничего, малыш, в следующий раз будет лучше, – покровительственно сказал Максим, закончив свое нелегкое дело. – Тебе понравится.

– Мне не нравится твоя идея насчет следующего раза, – холодно отозвалась Даша. – Почему ты вообще решил, что он будет?

– Но...

От изумления у Максима пропал дар речи. Девушек он повидал немало, за ним охотилась чуть ли не половина красоток города. Еще бы – сын банкира! А этой предлагают еще раз, а она фыркает. Не понравилось принцессе, видите ли.

– Что ты притих? – иронически спросила Даша, вытягивая из пачки, лежавшей на тумбочке, сигарету. – Дай прикурить, пожалуйста.

– Тебе что, совсем-совсем не понравилось? – по-детски спросил он, поднося ей зажигалку.

– Как тебе сказать... Если рассматривать эту смешную возню, как исполнение супружеского долга, тогда это имеет какой-то оттенок осмысленности. А как форма проведения досуга – уволь. Я лучше в бассейне поплаваю или верхом покатаюсь.

– Это намек на то, что я должен на тебе жениться? – нахмурился Максим.

– Ты никому и ничего не должен, – отрезала Даша. – Единственное, что ты должен был сделать в этой ситуации – позаботиться о мерах безопасности, а это ты, кажется, выполнил. Остальное меня мало волнует. Если честно, о замужестве я пока не думала. Мне и так неплохо.

– И сколько ты собираешься блюсти целомудрие? – усмехнулся Максим.

– Сколько надо – столько и буду. Во всяком случае, ради самого процесса я в постель больше ни с кем не лягу. Либо с законным мужем, либо с человеком, с которым мне захочется интимной близости. Я понятно объясняю?

– Более чем... – ошарашено пробормотал Максим.

Все его знакомые девушки мечтали выйти замуж. У каждой в глазах он видел сияние двух золотых колечек – брачный символ. А эта рассуждает о любви и браке так, словно ей не двадцать лет, а все сорок, да еще с хвостиком.

– Тогда почему ты сегодня... это... согласилась? Ты же меня не любишь.

– Скрупулезно подмечено. Не люблю. Но ведь и ты не сгораешь от пылкой страсти ко мне. Просто тебе – приспичило, а мне было интересно, что это такое: секс в трезвом состоянии, а не «под балдой». По крайней мере, теперь знаю, что ничего эпохального мимо меня пока не прошло. Можно ставить галочку и жить дальше.

– По-моему, ты ненормальная, – пожал плечами Максим. – Но я уважаю чужие принципы, так что пальцем тебя больше не трону, если сама не захочешь.

– Вот и славно, – улыбнулась Даша. – Как друг ты меня вполне устраиваешь.

– А как муж? – вдруг выпалил Максим.

Выпалил и испугался. Никому и никогда он еще не делал таких предложений. И теперь даже не понимал, чего он больше боится: отказа или согласия. К семейной жизни он явно еще не готов, но если она скажет «нет»... Это будет чувствительный удар по самолюбию самого завидного жениха в городе.

Даша тщательно погасила сигарету в пепельнице, выскользнула из постели и начала одеваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.